

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Е. Гимпельсон, А.А. Зудина

**«НЕФОРМАЛЫ» В РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКЕ: СКОЛЬКО ИХ И КТО ОНИ?**

Препринт WP3/2011/06

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2011

УДК 338.22
ББК 65.012.2
Г48

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Г48

Гимпельсон, В. Е. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? : препринт WP3/2011/06 [Текст] / В. Е. Гимпельсон, А. А. Зудина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 60 с. – 150 экз.

В работе представлены результаты исследования различных характеристик неформального сектора в России в 1999–2009 гг. На основе данных Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), регулярно проводимого Росстатом, приводятся оценки размера и динамики неформального сектора в России, описываются составляющие неформального сектора в российской экономике, ее социально-демографические черты, характеристики рабочих мест и факторы вовлеченности в неформальный сектор. Особое внимание уделяется анализу различий между двумя категориями неформально занятых – занятыми по найму и самозанятыми. В статье также представлен анализ факторов межрегиональной дифференциации в развитии российского неформального сектора, выполненный на основе специально созданной авторами панельной базы данных по экономическим и структурным характеристикам регионов.

УДК 338.22
ББК 65.012.2

Данная работа выполнена в рамках проекта «Неформальность на российском рынке труда», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы также отмечаем поддержку со стороны Фонда Макаруров (грант № 09-93035-000-GSS от 25 марта 2009 г.). Авторы признательны за замечания и комментарии Р.И. Капелюшникову.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Гимпельсон В.Е., 2011
© Зудина А.А., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

1. Введение

За 40 лет активного изучения явления, которое мы сегодня называем «неформальной» экономикой, исследователи не пришли к консенсусу ни в определениях, ни в характеристиках его природы. И хотя перечисление видов деятельности, осуществляемых вне формальных институциональных рамок (мелкая торговля, оказание услуг частным образом, примитивное сельское хозяйство и т.п.), или особенностей такой деятельности (отсутствие трудовых договоров и социальной защиты, неуплата налогов и взносов в социальные фонды и т.п.) не вызывает особых сложностей, подобные списки, как правило, не получают исчерпывающими. Они лишь подчеркивают неоднородность обсуждаемого явления, которое плохо укладывается под любую возводимую над ним терминологическую «крышу». Исследователи, пожалуй, едины в одном: они не включают в неформальную экономику криминальную деятельность (незаконную торговлю оружием и наркотиками, проституцию, рэкет), которая обычно рассматривается отдельно.

Изначально объектом исследований неформальной экономики были преимущественно развивающиеся страны. Она считалась спутником и следствием экономической недоразвитости. Занятость в ней трактовалась как вынужденная альтернатива безработице и бедности; она должна была бы исчезнуть с развитием городской промышленности и современного сектора услуг, способных абсорбировать избыточное предложение труда. Другими словами, экономика дуальна и сегментирована. Вскоре стало ясно, что ареал неформальной экономики не ограничен географически, она может существовать и в развитых, и тем более в постсоциалистических странах. Вход в неё может быть добровольным, и для работников по своему «качеству» она часто оказывается не хуже формальной. Стало приходить понимание того, что неформальная занятость плохо описывается простыми дихотомиями, она повсеместна и при этом имеет сложную природу и неоднородную внутреннюю структуру.

В данной работе мы анализируем динамику и структуру неформальной занятости в России в 2000-е годы. Трансформация 1990-х годов сопровождалась ростом всех её основных составляющих: незарегистрированной занятости на формальных предприятиях, занятости по найму у частных лиц, разных форм самозанятости [Нестандартная занятость в российской экономике, 2006]. По оценкам Росстата, в 2009 г. свыше 12 млн человек, или около 18% всех занятых, относились к «неформа-

лам», что в абсолютных цифрах превышает полную численность населения многих европейских государств [ОНПЗ, 2009]. При этом на протяжении 2000-х годов число таких работников в России постоянно росло, положительно реагируя на рост ВВП. Этот сегмент российской экономики, по-видимому, отличается не только значительным масштабом, но и специфическими социально-структурными параметрами¹. Однако он остается малоизученным.

Основная цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы уточнить наши представления о масштабах и профиле неформальной занятости на российском рынке труда, а также ответить на наиболее общие вопросы, связанные с ней. Задачи, которые мы ставим в данной статье, являются преимущественно описательными, и для их решения мы ограничиваемся простыми методами анализа данных.

Опираясь на данные обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), регулярно проводимого Росстатом, мы попытаемся:

- оценить масштаб и динамику неформальной занятости на рынке труда в России;
- описать составляющие неформальной занятости на российском рынке труда;
- выявить её социально-демографические черты;
- представить ареалы её распространения (характеристики рабочих мест);
- выявить факторы, влияющие на вероятность того, что россиянин оказывается «неформалом».

Этот набор задач определяет логику и структуру работы.

2. Краткий обзор: эволюция определений и представлений

Существует множество определений неформального сектора и неформальной занятости, строящихся на разных концептуальных основаниях и плохо сочетающихся друг с другом. Авторы, использующие дан-

¹ Мы не считаем, что «неформальность» исчерпывается лишь рамками неформального сектора. Она, безусловно, распространена и внутри формального, что схватывается альтернативным «легалистским» определением, но это является темой специального исследования и требует иных данных, нежели те, что используются в данной работе.

ные термины, могут обозначать ими разные виды деятельности, в результате чего получаемые статистические оценки зачастую слабо сопоставимы. Эмпирические исследования также разнородны, очень часто основаны на описательно-повествовательной информации, либо используют статистические данные невысокого качества. Всё это затрудняет обобщение и строгое сопоставление полученных результатов. В то же время можно говорить о том, что большинство предлагаемых определений укладываются в два основных подхода – производственный и легалистский. В первом случае неформальный сектор и неформальная занятость являются почти синонимами, во втором – они могут пересекаться, но не совпадать.

Британский социолог и антрополог К. Харт, впервые употребивший термин «неформальный сектор», понимал под ним примитивную и разнообразную самозанятость, типичную для обитателей городских трущоб в развивающихся странах. Представители исследованных им рынков труда являлись городскими бедняками, вчерашними мигрантами из сел, неквалифицированными работниками, находящими в низкопроизводительной самозанятости основной (а часто единственный) источник средств к существованию [Hart, 1973]. Самозанятость для них служила единственной альтернативой полной безработице, поскольку формальный рынок труда им ничего не мог предложить, а системы помощи безработным в этих странах не существует. Харт указывал на неоднородность рабочих мест с точки зрения их характеристик, а также на концентрацию неформальных мест занятости в отдельном сегменте рынка труда, где формальное регулирование либо отсутствует, либо действует со значительными изъятиями.

Подход Харт был подхвачен многочисленными исследователями и, что особенно важно, был принят на вооружение международными экономическими организациями (МОТ, ВБ, ОЭСР). Они не только начали использовать эту концепцию в разнообразных политических инициативах, связанных с борьбой с бедностью в развивающихся странах, но и разработали подходы к статистическому измерению неформальности, приспособлявая их к действующей статистической практике.

В развитие этой парадигмы 15-я Международная конференция статистиков труда в 1993 г. определила неформальный сектор как «совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами. Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капита-

лоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения – если они существуют – базируются преимущественно на привлечении случайных работников, родственных и личных связях, а не на договорных началах, дающих формальные гарантии» [Современные международные рекомендации по статистике труда, 1994]. МОТ закрепила данное определение в своей резолюции об измерении занятости в неформальном секторе в 2000 г., указав на то, что предприятия неформального сектора представляют собой частные неинкорпорированные предприятия, владельцами которых являются индивиды или домашние хозяйства, не имеющие статуса юридического лица и не разделяющие собственные финансовые ресурсы и финансовые ресурсы микропредприятий. К таким микропредприятиям относятся неинкорпорированные предприятия, принадлежащие и управляемые одним или несколькими членами одного домохозяйства или представителями разных домохозяйств, если их хозяйственные отношения не были юридически оформлены. Это определение в итоге перешло и в совместный документ МОТ/ВБ/ОЭСР, закрепивший данный подход к измерению неформальности [Measuring the Non-Observed Economy, 2002]. Поскольку оно связано с характеристиками предприятий и рабочих мест, то впоследствии стало называться *производственным (productivity-based)* [Hussmans, 2004].

Производственный подход имплицитно предполагает, что выделенный таким образом неформальный сектор жестко отделен от формального. Между ними существует труднопреодолимая «стена», которая порождает сегментацию или дуальность рынка труда. В неформальный сектор попадают вынужденно; такая работа является малооплачиваемой и социально незащищенной; иногда её считают де-факто превращенной формой безработицы (особенно при отсутствии пособий или их небольшом размере); труд здесь технологически примитивен, а сами работники, как правило, не имеют ни образования, ни квалификации. Доходы неформалов заметно уступают доходам тех, кто трудится в формальном секторе, а налоги, как правило, не уплачиваются. Среди неформальных работников много мигрантов из села, которые переехали в города в поисках лучшей жизни и застряли среди городских низов. Они стоят в очереди на вход в формальный сектор, который, однако, по разным причинам не создает достаточное число рабочих мест. Другими словами, неформальный сектор представляет собой устойчивый сегмент «плохих» рабочих мест в отличие от формального, где предположительно сосредоточены «хорошие» рабочие места, но доступные не всем.

Данная концепция получила свое теоретическое осмысление в модели дуального рынка труда Харриса и Тодаро, анализировавшей массовую трудовую миграцию из сел в города. Согласно ей, миграция представляла собой реакцию на различия в ожидаемых заработках в городе и селе, составлявших два разных и непересекающихся сегмента рынка труда [Harris, Todaro, 1970].

Первая «ревизия» этой системы представлений была предложена в одной из работ Г. Филдса, в которой неформальный сектор рассматривается как внутренне неоднородный и двухъярусный (two-tiered) [Fields, 1990]. «Высококачественный сегмент» неформального сектора (upper-tier jobs) зачастую представлен самозанятыми работниками, которые вполне осознанно и добровольно стремятся войти в него, так как такой тип занятости для них сопряжен с получением вполне определенных выгод различного характера – к примеру, возможности самостоятельно регулировать рабочий ритм. Доступ сюда ограничен. «Низкокачественные» рабочие места, в свою очередь, заполняются по остаточному принципу теми, кто не смог попасть ни в сегмент формальной занятости, ни в «высококачественный» сегмент неформальной занятости.

Дальнейшее «ревизионистское» переосмысление природы неформальности связано с исследованиями У. Мэлони (W. Maloney) и его коллег. Опираясь на целый ряд эмпирических исследований, проведенных в Латинской Америке, он оспаривает тезисы, лежащие в основе традиционного подхода. Неформальные рабочие места не обязательно являются худшими по качеству, работники могут перемещаться на них добровольно, межсекторная разница в заработной плате несущественна, жесткие перегородки отсутствуют, а в целом этот сектор скорее напоминает микропредпринимательский сектор развитых стран [Maloney, 2004]. Соответственно, самозанятые работники и владельцы малых фирм вовсе не стремятся в формальный сектор, их вполне устраивает текущий статус занятости. Даже законодательная защита рабочих мест в формальном секторе не является достаточным стимулом для перехода в него, так как работники могут относительно выше ценить иные характеристики, как, например, независимость и рост заработка². Принадлежность работни-

² Причиной отказа от участия в формальном секторе может быть отсутствие доверия к институтам формальной занятости (к примеру, в развивающихся странах). Например, люди могут опасаться того, что пенсии и пособия в будущем не будут выплачены им в оговоренном объеме из-за возможного кризиса финансовой системы или неплатежеспособности государства. Если качество услуг здравоохранения воспринимается как крайне низкое, то возникает вопрос о целесообразности отчисления средств на страхование

ков к неформальному сектору, таким образом, свидетельствует лишь о том, что с учетом своих индивидуальных характеристик они не обязательно смогли бы добиться аналогичного уровня благосостояния в формальном секторе.

Накопление эмпирического материала о характеристиках неформальных рабочих мест показало, что простая дихотомическая классификация по принципу «формальное – неформальное» чрезмерно упрощает ситуацию. Скорее речь должна идти о континууме рабочих мест, внутри которого соотношение формального и неформального может меняться и включать разные наборы характеристик. В этом случае традиционное производственное определение перестает «работать». Есть и другие аргументы в пользу его уточнения. Согласно производственному определению, неформальность коррелирует с размером предприятия (бизнеса). Получается, что увеличение удельного веса микропредприятий в экономике автоматически раздувает неформальный сектор вне зависимости от того, зарегистрированы ли эти предприятия, платят ли они налоги и т.п.

Альтернативный подход, получивший название легалистского, или правового (*legalistic*), в ряде случаев может оказаться более предпочтительным³. В его рамках неформальная занятость определяется с точки зрения того, в какой мере фирмы или индивидуумы следуют установленным формальным правилам и законодательным нормам [Saavedra, Chong, 1999]. Другими словами, классификация рабочих мест (на формальные или неформальные) зависит от степени их подчинения действующему режиму регулирования [Kanbur, 2009; Gasparini, Tornarolli, 2006]. Здесь мы можем говорить о непрерывном континууме состояний, ограниченных полной формальностью, с одной стороны, и полной неформальностью, с другой. Легалистское определение, однако, ставит свои вопросы, на которые не всегда есть ответы. Например, работники могут оказаться формальными в одной области регулирования, но при этом неформальными в другой. Они могут платить социальные взносы в систему социального обеспечения, но не пользоваться социальными гарантиями защиты занятости. Либо и участие в системе социального обеспечения, и

здоровья. Наличие в домохозяйстве хотя бы одного члена, который находится в сегменте формальной занятости и уже обладает соответствующими привилегиями в виде пенсий, страхования и пособий, также может послужить стимулом к переходу в неформальную занятость для других членов домохозяйства.

³ Это определение также иногда называют «социально-защитным» (*social protection definition*), поскольку соблюдение законов связано с обеспечением социальной защиты работников [Merrick, 1976; Employment, Incomes and Equality, 1972].

доступ к её плодам могут быть урезанными (как, например, в малом бизнесе) по сравнению с тем, что характеризует полностью формальных работников крупных компаний. По-видимому, для точной идентификации степени неформальности работника внутри формальных предприятий необходима комплексная картина его трудовой деятельности, но это порождает серьезные измерительные проблемы, поскольку многие аспекты регулирования и правоприменения остаются невидимыми для исследователя (а зачастую и для самого работника).

Понятно, что неформальные – по легалистскому определению – рабочие места могут быть и на зарегистрированных предприятиях, если те не полностью соблюдают действующие правила по отношению к своим работникам⁴. С другой стороны, рабочие места на микропредприятиях, полностью соблюдающих требования со стороны законодательства и регулятора, кажутся вполне формальными. В этом случае основная проблема неформальности заключается не столько в существовании межсекторных барьеров, сегментирующих рынок труда, сколько в слабости механизмов инфорсменты, не способных обеспечить равное и полное соблюдение режима регулирования по отношению ко всем работникам даже внутри корпоративного сектора.

Изначально исследования неформальности на рынке труда были ограничены развивающимися странами (поскольку неформальный сектор считался атрибутом недоразвитости). Применительно к развитым странам речь шла преимущественно о периферийных рабочих местах, вторичном рынке труда и т.п., однако впоследствии было признано, что и в этих странах существуют многие виды занятости, которые можно считать неформальными [Portes, Sassen-Koob, 1987; Cox, Watt, 2002; Edgcomb, Thetford, 2004; OECD Employment Outlook, 2008]. Для определения границ неформальности в развитых странах применялись различные критерии и их комбинации: экономические (отсутствие регистрации трудовой деятельности, уклонение от уплаты налогов, размер предприятия и др.), политические (недостаточное государственное регулирование), статистические (систематические искажения в измерении валового национального продукта), социальные (автономия или гибкость занятости, отсутствие доступа к системе социальной защиты, профессиональный статус) [Gerxhani, 2004, p. 270–275].

⁴ Дополнительная проблема возникает в случае малых предприятий, которые могут иметь упрощенный или облегченный режим регулирования. Но в итоге они не обеспечивают своим работникам «стандартного» (по сравнению с работниками крупных предприятий) уровня социальной защищенности.

Общепризнанно, что неформальность относительно широко распространена в Средиземноморских странах Европы (Италии, Испании, Португалии, Греции, Кипре), где она часто имеет форму микропредпринимательства и самозанятости. Но и в странах континентальной Европы, максимально приверженных закону, наблюдается её определенный рост. Он может иметь разное происхождение и, в частности, быть связан с притоком мигрантов из развивающихся стран и их включением в слабо-регулируемые сегменты рынка труда.

Дополнительный интерес к этой проблеме в развитых странах стимулируется быстрым распространением различных форм нестандартной (атипичной, неустойчивой, нестабильной) занятости [OECD Employment Outlook, 2008]⁵. В этом случае основной фокус сделан не на регулировании как таковом, а на смене доминирующей формы трудовых отношений, которая частично выводит наемный труд из-под действующего регулирования. Нестандартная занятость в этом случае ассоциируется с сокращенным объемом социальной защиты и упрощенным режимом контроля, в результате чего она оказывается неформальной (по крайней мере частично) в соответствии с логикой легалистского определения.

Переходные экономики представляют собой весьма интересный объект для изучения различных аспектов неформальности на рынке труда. В этой группе стран она может иметь разное происхождение. Во-первых, неформальность может возникать вследствие разрыва между усилением регулирования деятельности корпоративного сектора и ограниченным институциональным потенциалом правоприменителей (регуляторов и контролеров) обеспечивать соблюдение принятых правил. Хорошо известными примерами такой неформальности в России являются задержки заработной платы, широко распространенные в 1990-е годы [Earle, Sabirianova Peter, 2009], подмена трудовых договоров гражданско-правовыми договорами, наём работников на основе лишь устной договоренности [Нестандартная занятость в России, 2006]. В этом случае мы имеем дело с деформализацией трудовых отношений внутри формального сектора. Во-вторых, неформальность в форме простейшей самозанятости может существовать как своеобразная альтернатива безработице тогда, когда формальная система социальной защиты слаба или вовсе

⁵ См. также материалы конференции “Measuring Informal Employment in Developed Countries”, Harvard University, 31 October – 1 November 2008, www.wiego.org (например, <http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Michon.pdf> и <http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Zeytinoglu.pdf>).

отсутствует [Earle, Sakova, 2000]. Такая вынужденная неформальная самозанятость составляет «нижний слой» (lower tier), если использовать терминологию Г. Филдса [Fields, 1990]. Её специфическим проявлением является околodomашнее производство сельскохозяйственной продукции для реализации, широко распространенное в странах СНГ [Капелюшников, 2006]. В-третьих, в условиях достаточно агрессивной институциональной среды (отличающейся избыточным и неэффективным регулированием, массовой коррупцией и т.п.), что свойственно многим странам с переходной экономикой, индивидуальное предпринимательство является в значительной мере неформальным и предпочитает не регистрироваться в качестве юридического лица⁶. Это верхний слой (upper tier), по определению Филдса, попадание в который является добровольным выбором⁷. Но такие предприниматели могут нанимать наемных работников, которые в свою очередь автоматически оказываются неформальными, и этот выбор уже оказывается вынужденным. Занятые по найму у индивидуальных предпринимателей составляют четвертый источник. Наконец, в-пятых, растущий платежеспособный спрос домохозяйств на различные бытовые услуги стимулирует неформальное предложение таких услуг как в силу недоразвитости формального сектора, так и в силу перечисленных выше институциональных обстоятельств.

Названные пять источников неформальности во многом определяют её структуру. С. Бернабе замечает, что в более благополучных странах Центральной и Восточной Европы она проявляется скорее как способ ухода от высоких налогов и жесткого регулирования. В менее экономически успешных странах Восточной Европы и СНГ неформальный сектор часто является последним возможным работодателем для тех, кто потерял работу в формальном секторе и по тем или иным причинам не может положиться на систему помощи безработным [Bernabe, 2008]. В переходных экономиках доля самозанятых в среднем оказывается меньше, чем в развивающихся странах, а занятость по найму может быть, наоборот, более распространенной. На примере Украины Х. Леманн и Н. Пиньятти отмечают относительно небольшой масштаб самозанятости при значительном и растущем сегменте неформальной занятости по найму,

⁶ Часть таких предпринимателей может иметь регистрацию в качестве ПБОЮЛа или обладать патентом, а другая часть может избежать любой легализации. Хотя степень неформальности будет разной, с точки зрения производственного определения это не является существенным обстоятельством.

⁷ К этому слою относятся и профессионалы-фрилансеры.

а также признаки сегментации на рынке труда [Lehmann, Pignatti, 2007]. При этом они не находят свидетельств массовой «миграции» работников между статусами (формальный – неформальный) при переходе от одной стадии трудовой карьеры к другой. Сверяя итоги своего исследования с основными теоретическими подходами, предложенными в литературе, они заключают, что каждая из трех основных исследовательских парадигм (традиционная и две «ревизионистские») получает частичное подтверждение как минимум в одном из сегментов неформальной занятости. Есть основания полагать, что эти выводы применимы и в России.

3. Определения и данные

Эмпирическая часть нашей работы строится на данных Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 1999–2009 гг. ОНПЗ представляет собой ежеквартальное (а с сентября 2009 г. – ежемесячное) выборочное обследование домохозяйств, проводимое во всех субъектах Российской Федерации в соответствии с методологией МОТ. Его годовая выборка составляла около 270 тыс. человек при ежеквартальном сборе данных (с 1999 до середины 2009 г.). С переходом к ежемесячному сбору данных в сентябре 2009 г. объем годовой выборки увеличился в 3 раза до примерно 800 тыс. человек, что составляет около 0,75% от численности населения в возрасте экономической активности (15–72 лет).

Опора на данные этого обследования делает нас зависимыми от принятого Росстатом производственного определения, связывающего (не)формальность с характеристиками рабочих мест. Согласно ему, неформальный сектор определяется как «совокупность производственных единиц, составляющих часть сектора домашних хозяйств, или некорпоративных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами, созданными отдельно от домашнего хозяйства или его членов, которым они принадлежат»⁸. Основным критерием выделения единиц неформального сек-

⁸ См.: [Методологическое руководство для пользователей базы микроданных обследований населения по проблемам занятости. Росстат, 2002]. Это определение в свою очередь базируется на рекомендациях 15-й Международной конференции статистиков труда.

тора здесь является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица⁹. Важно подчеркнуть, что рамки описываемого сектора ограничиваются рыночной деятельностью домашних хозяйств, т.е. производство продукции и услуг для собственных потребительских нужд исключается из понятия неформальности.

Выбор анализируемого периода (1999–2009 гг.) связан с тем, что в это время изменения в методологии ОНПЗ, включая построение выборки и периодичность обследования, были минимальными. К тому же он охватывает как этап экономического роста, так и кризис 2008–2009 гг., что позволяет наблюдать реакцию на разнонаправленные шоки.

В рамках ОНПЗ можно выделить следующие группы *неформально занятых работников*:

- a) занятые по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей;
- b) предприниматели без образования юридического лица;
- c) занятые на индивидуальной основе (самозанятые);
- d) занятые в домашнем хозяйстве по производству продукции, предназначенной для реализации;
- e) занятые в фермерском хозяйстве в случаях либо если регистрация или оформление документов отсутствует, либо с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя;
- f) занятые на предприятиях и в организациях формального сектора без оформления трудового контракта.

Группы a) и f) включают занятых по найму, а остальные (b–e) представляют различные типы самозанятых. В показателе *занятости в неформальном секторе* по методологии ОНПЗ учитываются категории a)–e), работающие вне корпоративного сектора.

Занятые на предприятиях формального сектора без соответствующего оформления (группа f)) во все годы наблюдения составляли не более 1,5% от всех неформально занятых, «схватываемых» обследованием. По методологии ОНПЗ, опирающейся на производственное определение неформальности, данная группа не участвует в формировании показателя *занятости в неформальном секторе*, который рассматривался в данной

⁹ В приведенной методологии под занятостью в неформальном секторе понимается занятость на *предприятиях* неформального сектора. Таким образом, из рассмотрения исключается неформальная занятость на предприятиях формального сектора, т.е. без оформления договора или контракта.

работе. Мы её не включаем в наши расчеты, считая, что в силу своей малочисленности она слабо влияет на конечные показатели.

В наших расчетах учитывалась только занятость по основному месту работы, что, по-видимому, может занижать общий объем неформального труда в российской экономике.

Практически все неформально занятые по производственному определению, по-видимому, оказываются неформальными и по легалистскому. Основанием для такого вывода является то, что занятые на «непредприятиях» либо не имеют никакого оформления, либо, если такое оформление и имеет место, то оно носит упрощенный характер и выводит работников из-под основного массива регулирующих норм. Другое дело, что здесь возможна существенная недооценка общего масштаба неформальности как за счет недооценки работающих на формальных предприятиях без контракта¹⁰, так и тех, чей контракт не соблюдается из-за неполного информента¹¹. Однако более полный учет этих категорий требует не только альтернативного определения, но и альтернативных данных.

4. Общая динамика неформальной занятости: 1999–2009 гг.

На фоне быстрого роста ВВП, который почти удвоился в 1999–2008 гг., общая (среднегодовая и среднесписочная) численность занятых в российской экономике выросла с 64,1 до 68,5 млн человек, или всего на 6,9% [Труд и занятость в России, 2009, с. 187]. В 2009 г. из-за кризиса ВВП сократился на 7,9%, а общая занятость – лишь на 2,2%.

Какова же была реакция неформального сектора (и неформальной занятости) на бурный докризисный экономический рост и резкое кризисное падение? Естественно предположить, что на этапе роста размер этого сектора сокращался. Есть как минимум два основания для выдвижения такой гипотезы. Во-первых, рост экономики должен был стимулировать спрос на труд и, прежде всего, там, где производился основной

¹⁰ Согласно данным РМЭЗ за 2009 г., на формальных предприятиях около 5% работающих не имели трудового контракта.

¹¹ К таким, например, могут относиться работники, которым в нарушение действующих законов задерживают заработную плату, не предоставляют положенный отпуск или, например, выплачивают часть вознаграждения в конверте.

ВВП, т.е. в формальном секторе. Формальные предприятия всё чаще и всё громче жаловались на «дефицит» рабочей силы и могли ускоренно абсорбировать часть неформальной рабочей силы. Во-вторых, борьба государства за «формализацию и жизнь по правилам», провозглашенная в эти годы, могла привести к сужению сферы неформального через повышение эффективности регулирования и более полного информента правил¹². Также естественно ожидать, что в ходе кризиса степень неформальности могла возрасти, поскольку сокращение производства выталкивало работников из формального сектора, а неформальный, учитывая слабую систему поддержки безработных, мог стать для них естественным убежищем, сохраняя занятость.

Что же нам говорят по этому поводу доступные статистические данные? Они не подтверждают высказанные выше гипотезы о движении к большей формализации в годы роста и об обратном тренде в условиях кризиса.

Мы можем предложить два основных статистических подхода к измерению масштаба неформального сектора и его динамики на макроуровне.

Первый подход – назовем его «остаточным» – основан на простом вычитании из (1) численности всех занятых в экономике (2) численности всех занятых в корпоративном секторе. Обе оценки численности публикуются Росстатом и получены с помощью признанной и достаточно «прозрачной» методологии. Их разность ((1) – (2)) дает нам оценку численности занятых вне корпоративного сектора и тем самым представляет верхнюю границу занятости в неформальном секторе (в его производственном определении).

Все российские предприятия и организации (со статусом юридического лица), т.е. основные производители ВВП, за 1999–2008 гг. сократили численность занятых примерно с 51–52 до 49,4 млн человек (на 3%) (см. рис. П1 в Приложении). Поэтому искомая разность составляла (в 2008 г.) около 19 млн человек и увеличилась за рассматриваемый период на 7–8 млн человек, или на 14%. В итоге к началу кризиса к этому «остатку» относились около 28% всех занятых. В 2009 г. общая занятость сократилась примерно на 2% (непропорционально меньше, чем ВВП) и составила 67,3 млн человек, а занятость в организациях – почти на 4% (47,4 млн). Искомая разность возросла до 19,9 млн человек и приблизи-

¹² Возможное усиление деформализации в условиях борьбы за формализацию является известным феноменом и описывается, например, в [Portes, 1994].

лась к 30%. Таким образом, период экономического роста сопровождался деформализацией занятости, которая в кризис лишь усилилась¹³.

Второй подход, основанный на использовании данных ОНПЗ, дает прямые оценки численности занятых в неформальном секторе. Они несколько ниже, но также свидетельствуют об активном перетоке работников из регулируемого государством и социально защищенного (хотя бы на бумаге) сектора в неформальный.

Рис. П2 показывает изменения в величине и структуре занятости в неформальном секторе в соответствии с определением и алгоритмом, используемыми Росстатом. В 1999 г. численность занятых в неформальном секторе на основной работе, усредненная по итогам четырех кварталов, составляла около 8 млн человек. На протяжении последующего десятилетия она демонстрировала тенденцию к росту и в 2009 г. составляла около 12 млн человек. В структуре всех занятых в российской экономике (по методологии ОНПЗ) она увеличилась за этот период с 13% до 17–18% (см. рис. П3). Эта тенденция проявлялась, как уже отмечалось, на фоне быстрого роста ВВП и на фоне абсолютного и относительного сокращения занятости в формальном секторе.

Почему используемые подходы дают такие расхождения в оценках? Потому что они используют разные методологии. В первом случае это статистика предприятий и расчет так называемой среднегодовой среднесписочной численности. Работники организаций и предприятий, не включаемые в списочную численность (например, занятые по гражданско-правовым договорам или по совместительству), могут попадать в «остаточный» неформальный сектор. Это не противоречит легалистскому определению неформальности, хотя может отклоняться от «чисто» производственного. К сожалению, в рамках данного подхода дезагрегация полученных результатов по социально-демографическим группам затруднена.

Во втором случае наша оценка основана на опросах населения в рамках ОНПЗ. Опросы дают более высокую общую занятость (поскольку лучше схватывают различные пограничные группы) и более низкую численность в неформальном секторе (поскольку люди зачастую самоидентифицируют себя с «организациями», даже если те являются незарегист-

¹³ Согласно предварительным оценкам Росстата, в 2010 г. среднегодовая численность занятых в организациях составила 46,2 млн человек. Тем самым в некорпоративном секторе оказываются около 22 млн человек, или около трети всех занятых.

стрированными, т.е. неформальными, группами)¹⁴. В итоге доля неформалов в общей численности оказывается ниже, чем в первом случае.

Можно считать, что оценки на основе ОНПЗ обозначают нижнюю границу занятости в неформальном секторе. Всё дальнейшее обсуждение будет опираться на ОНПЗ, поскольку именно оно позволяет проводить дифференцированные расчеты по отдельным группам населения.

На рис. ПЗ представлена динамика квартальных показателей безработицы и занятости в неформальном секторе, рассчитанных по отношению к экономически активному населению. Оба показателя отличаются сильной сезонностью, однако по отношению друг к другу их значения меняются контрциклически. В сезонных колебаниях летние месяцы (II и III кварталы) противостоят зимним (IV и I кварталы). Снижение безработицы летом в среднем на 1–1,5 п.п. (по сравнению с зимним периодом) сопровождается ростом неформальной занятости на 3–4 п.п., и наоборот. Занятость в сельскохозяйственном секторе, имеющая ярко выраженный сезонный характер, по-видимому, весной притягивает к себе не только безработных, но и экономически неактивных граждан. Завершение же сезонного цикла сельскохозяйственных и строительных работ в домохозяйствах сопровождается обратным перемещением таких «домашних производителей» в безработицу или неактивность.

5. Структура неформальности

Теперь обратимся к внутреннему наполнению занятости в неформальном секторе. Рис. П2 показывает, как менялись по абсолютной величине главные её составляющие на протяжении всего обсуждаемого периода.

Основная тенденция кажется очевидной: это быстрый рост численности занятых по найму у физических лиц и у индивидуальных предпринимателей, который во многом определял общую динамику. Если в 1999 г. эта категория насчитывала менее 2,5 млн человек, то в 2004 г. –

¹⁴ Например, респонденты ОНПЗ отмечают, что они работают «на предприятии, в организации», но не указывают при этом, зарегистрировано ли это предприятие или организация, и является ли оно (она) юридическим лицом. Отрицательный ответ на такой (несуществующий в анкете) вопрос позволил бы переклассифицировать часть работников из формальных в неформальных.

около 5 млн человек, а в 2008 г. – около 7,5 млн человек. Другими словами, за 4 года она увеличилась примерно на 2,5 млн человек. В качестве меры масштаба отметим, что в таком большом секторе как образование у нас всего занято менее 6 млн человек!

Экономический кризис, подорвавший спрос на труд в экономике, несколько надломил эту тенденцию. Индивидуальные предприниматели и домохозяйства стали сокращать наём работников, и в 2009 г. численность наемных работников неформального сектора снизилась (в среднегодовом исчислении более чем на 1 млн человек¹⁵). Насколько устойчивым будет этот новый тренд, покажет время.

Вторая по значимости тенденция связана с сокращением численности занятых в домашнем производстве с 3,2 млн человек в 1999 г. до примерно 2 млн человек к 2001 г. и последующей стабилизацией численности вокруг этого значения. На фоне значительного увеличения сегмента неформального наемного труда её доля в общей численности неформально занятых на основной работе снизилась с 40% до 15%. В 2009–2010 гг. отмечено некоторое снижение абсолютной численности этой категории, но с чем оно связано и насколько устойчиво пока также трудно сказать.

Некоторый последовательный рост (с 1 млн до 1,6 млн) демонстрировала численность занятых индивидуально, т.е. самозанятых. При этом численность индивидуальных предпринимателей (без образования юридического лица) до 2008 г. оставалась практически неизменной и колебалась около 1 млн человек. В 2009 г. обе протопредпринимательские группы показали заметный рост, а в 2010 г., по-видимому, возвратились к своим прежним значениям. Это касается в первую очередь индивидуальных предпринимателей.

Численности двух других составляющих неформальной занятости (фермеры и работники предприятий) на протяжении всего периода были примерно стабильными и небольшими по абсолютной величине.

Предприниматели без образования юридического лица, т.е. владельцы микробизнесов или неинкорпорированных предприятий, в 1999 г. составляли около 14% всех неформально занятых. Их доля в этом секторе несколько выросла к 2001–2002 гг., но затем снизилась до 8,5% в 2008 г. Доля «индивидуалов» (занятых на индивидуальной основе) на протяжении периода колебалась между 12% и 16%, оставаясь практически неизменной.

¹⁵ Эта тенденция продолжилась в 2010 г., когда она снизилась еще на 1,2 млн человек (ОНПЗ за 2010 г.).

Если подытожить описанные выше изменения, то главное из них заключается в том, что доминирование занятых по найму внутри неформального сектора постепенно становится всё более очевидным (рис. П4). Их доля выросла с 30% в 1999 г. до более 60% в 2008 г., т.е. они здесь стали количественно преобладать. Некоторое сокращение этой группы в ходе последнего кризиса не меняет вывода о том, что главная фигура в этом сегменте рынка труда – это наемный работник некорпоративного сектора, т.е. занятый у индивидуальных предпринимателей или физических лиц. Это означает, что труд по найму частично перемещается в ту область, где не работают статьи Трудового кодекса, защищающие права работников. Предпринимательская активность населения оказывается слабоэластичной по отношению к темпам экономического роста, а неформальный труд по найму – высокоэластичным. В этом может проявляться одно из отличий переходных экономик от экономик развивающихся стран, в которых неформальный сектор является преимущественно протопредпринимательским и где ключевыми фигурами являются самозанятые.

6. Портрет «неформала»

Уровни занятости в неформальном секторе (% неформалов среди всех занятых) по различным социально-демографическим группам различаются, но везде росли с примерно одинаковым темпом. Среди мужчин и женщин они очень близки, но в последние годы мужчины по этому показателю несколько вышли «вперед». Этот показатель среди сельского населения был гораздо выше, чем среди городского, что во многом определяется самим характером сельской экономики (рис. П5). Значительное снижение уровня сельской неформальности в 2001 г. объясняется изменением методологии отнесения респондентов к неформальному сектору¹⁶, но этот искусственный провал был полностью отыгран в течение нескольких последующих лет в результате естественного роста неформального сектора.

¹⁶ Падение уровня занятости в неформальном секторе среди сельского населения является статистическим артефактом, связанным с изменением методологии расчета показателя занятости в домашнем хозяйстве.

Возраст. Максимальная вовлеченность характерна для самых младших и самых старших возрастных групп (рис. П6). Однако если старшие сокращали такую занятость (её уровень среди лиц в возрасте старше 60 лет снизился с 33% до 22%), то младшие, наоборот, увеличивали. Если в начале периода такая трудовая деятельность была в большей степени характерна для лиц пенсионного возраста, искавших здесь дополнительные доходы, то к его концу риск неформальности возрос прежде всего для молодежи. На протяжении последних пяти лет (по которым на графике есть данные) уровень занятости в неформальном секторе для молодых людей (в возрасте 15–19 лет) составлял около 40%, временами даже превышая эту черту. В возрастной группе 20–29 лет он также рос и достиг 20%.

Изменение повозрастных рисков еще не означает изменения возрастной структуры неформального сектора в целом, поскольку общие уровни занятости для разных возрастов различны и к тому же менялись во времени. Так, в самой младшей возрастной группе (15–19 лет) общий уровень занятости в целом был невелик (<15%); следовательно, и абсолютный масштаб занятости в неформальном секторе незначителен. Однако в следующей возрастной группе (20–29 лет) уровень занятости резко возрастает (с 55% в первом пятилетии до примерно 80% – во втором), а потому даже меньшая доля неформалов уже дает значительные абсолютные показатели.

Для работников в основных рабочих возрастах (30–49 лет) уровень неформальности составляет 16–17%, и он увеличился примерно на 5 п.п. в течение 10 лет (рис. П7). В этих возрастных группах общий уровень занятости очень высокий (около 85%), что в итоге обеспечивает значительный вклад в общий пул неформальных работников. Уровень неформальности минимален в возрастной группе 50–59 лет, но сам уровень занятости этой группы в целом возрастал, увеличивая тем самым и её вклад в неформальность.

В целом же больше половины всех неформальных работников находится в возрасте до 40 лет. Мы пока не можем с уверенностью говорить про омоложение неформального сектора, поскольку доля самых молодых на рынке труда в целом мала. Однако тенденция к возрастанию рисков неформальности для молодых работников кажется бесспорной. Являются ли эти риски функцией возраста (присущи определенной возрастной группе и затем с возрастом снижаются) или функцией определенной когорты (будут постоянно воспроизводиться с взрослением

когорты)? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны более длительные наблюдения.

Образование. Рост уровня образования снижает риск неформальности (рис. П8). Отсутствие диплома существенно повышает и вероятность попадания в неформальный сектор, и скорость увеличения такого риска со временем. Наоборот, наличие высшего или среднего профессионального образования значительно снижает как сам этот риск, так и скорость его увеличения. В 2009 г. 8% всех занятых, имеющих высшее образование, и 14% со средним специальным были заняты в неформальном секторе. Что же касается начального профессионального образования, то каждый пятый его обладатель трудился неформально. Этот показатель почти удвоился за период менее 10 лет.

Анализ образовательной структуры занятых в неформальном секторе свидетельствует о том, что в нем наиболее широко представлены работники со средним общим образованием. Их доля выросла с 27% до примерно трети (рис. П9). Второе место с близкими показателями (около 21–22% в 2009 г.) занимают обладатели начального и среднего профессионального образования. Однако если доля выпускников СПО несколько снизилась, то удельный вес обладателей НПО вырос с 8,3% в 1999 г. до 21,4% в 2009 г. По-видимому, это стало результатом двух автономных, но одновременных процессов. Во-первых, массового возврата на рынок труда в 00-е годы лиц старших возрастов с невысоким уровнем образования и, во-вторых, отсутствия достаточного числа вакансий и низких темпов создания рабочих мест в формальном секторе экономики [Гимпельсон, 2010].

Следующей по вкладу группой являются обладатели высшего образования, которые составляют примерно 14% всех неформалов. Доля этой группы в неформальном секторе хотя и медленно, но неуклонно росла. В 1999 г. высшее образование имели 10% неформалов. Этот рост мог быть связан с ускоренной экспансией предложения специалистов из системы ВПО, не поддержанной соответствующим ростом спроса на их труд внутри формального сектора [Гимпельсон и др., 2009; Лукьянова, Капелюшников, Гимпельсон, 2010]. Наоборот, доли занятых, имеющих основное общее и начальное образование, неуклонно снижались (с 16,4% до 9,4% и с 9,9% до 1,3%), отражая, по-видимому, их постепенное вымывание с рынка труда.

Профессия и сектор занятости. Кем и где «неформалы» работают? Эти два измерения тесно взаимосвязаны, поскольку некоторые профес-

сиональные группы жестко привязаны к определенным видам деятельности. Это наглядно проявляется и в нашем случае. Так, максимальная вероятность неформальности у работников сельского хозяйства (профессиональная группа ОКЗ-6), среди которых каждые трое из четырех могут быть классифицированы как неформалы (рис. П10). На втором месте идут профессии группы ОКЗ-5 (Работники сферы обслуживания, торговли и т.п.), среди которых примерно каждый третий – неформал. В группах ОКЗ-1 (Руководители) и 7–9 (Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта; операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики; неквалифицированные рабочие) доля неформально занятых в 2009 г. составляла примерно 16–18% и удвоилась за последнее десятилетие.

В профессиональной структуре занятости в неформальном секторе работники группы 5 составляют около 30%, группы 6 – около 20% (рис. П11). Еще около 30% приходится на три профессиональные группы рабочих (ОКЗ 7–9). Что же касается отраслевой структуры, то примерно 40% неформалов работают в торговле и бытовом обслуживании, каждый четвертый – в сельском хозяйстве, по 10% приходится на строительство и промышленность.

Самозанятость и неформальный найм: различие профилей

Табл. П1 и П2 в Приложении показывают динамику двух основных сегментов неформального сектора в разбивке по таким характеристикам как пол, возраст, уровень образования, профессия. Наемные работники в среднем моложе и менее образованны, чем самозанятые. В 2008 г. почти каждый пятый занятый в возрасте 15–19 лет работал по найму у физических лиц, а самозанятость была максимально распространена среди работников в возрасте 30–49 лет. Средний возраст самозанятых составлял 37–39 лет, в то время как аналогичный показатель среди неформальных наемных работников составлял 34–36 лет (см. табл. П2). Среди всех занятых по найму у физических лиц или индивидуальных предпринимателей доля лиц с высшим образованием колебалась от 11 до 13%¹⁷. Среди самозанятых она составляла 22–23%, а среди занятых производством в домашнем хозяйстве – около 5–6%. Об относительной «молодости» занятых по найму по сравнению с самозанятыми и занятыми в фор-

¹⁷ Учитывалось как полное, так и неполное высшее образование.

мальном секторе говорит и самая низкая доля состоящих в браке среди представителей данной категории. Так, она равнялась 56–60% среди занятых по найму в неформальном секторе, в то время как среди занятых в формальном секторе и самозанятых она составляла 70–75%. Мужчины доминировали в структуре самозанятых (около 60%) и оказались наименее представлены среди занятых производством в домашнем хозяйстве (44–46%).

Анализируя профессиональную принадлежность самозанятых и занятых по найму у физических лиц, можно отметить, что в последней категории чаще оказывались работники группы ОКЗ-5 (работники сферы обслуживания, торговли и ЖКХ), в которой почти каждый четвертый занят неформально (табл. П1). В то же время около 16% всех руководителей в 2009 г. относились к самозанятым, т.е. микропредпринимателям-работодателям. Уровень самозанятости также был выше в сфере торговли и обслуживания (хотя он уменьшался на протяжении всего рассматриваемого периода) и у квалифицированных рабочих сельского и лесного хозяйства (в период 1999–2009 г. он увеличился почти в 5 раз, в 2009 г. практически каждый десятый представитель данной профессии был самозанятым). Сравнение значений средней продолжительности фактической рабочей недели показывает, что самозанятые и занятые по найму в неформальном секторе мало отличаются в этом отношении – соответствующее значение в обеих группах составляло около 41–42 часов (табл. П2). При этом в среднем они работают больше занятых в формальном секторе, средняя продолжительность рабочей недели у которых составляет 38–39 часов. Занятые производством в домашнем хозяйстве в 2000 г. в среднем работали около 27 часов, в дальнейшем этот показатель снизился до 21 часа в 2008 г., однако данные могут быть занижены из-за сложностей подсчета времени, затраченного на производство и другие виды активностей в домашнем хозяйстве.

7. Мультиномиальный логит-анализ

Выше мы бегло описали возможные бинарные связи между неформальностью и индивидуальными характеристиками работника, используя для этого средние показатели. Мультиномиальная логит-регрессия позволяет частично учесть внутреннюю неоднородность рассматриваемых групп (в части наблюдаемых характеристик).

Упрощая реальную ситуацию принятия решения на рынке труда, мы исходим из того, что процесс выбора происходит последовательно в несколько этапов. На первом этапе индивид осуществляет выбор между участием в трудовой деятельности и отказом от неё. Затем принявшие решение работать сталкиваются с очередной развилкой: они имеют три возможные опции – работать по найму в формальном секторе, быть (неформальным) самозанятым или искать неформальную работу по найму у физических лиц. Это решение принимается под воздействием ряда факторов и обстоятельств, включающих как те, что лежат на стороне предложения труда (индивидуальные и семейные характеристики), так и те, что относятся к спросу на труд (доступные рабочие места). К сожалению, многие из них для нас остаются ненаблюдаемыми.

Влияние наблюдаемых характеристик мы можем оценить, используя мультиномиальную логит-регрессию¹⁸, в которой зависимой переменной (y_i) является статус работников с точки зрения того, является ли он «неформалом», и если да, то каким. Эта переменная принимает значение 1, если наш респондент – формальный работник (референтная группа для сравнения). Зависимая переменная равняется 2, если работник трудится неформально и по найму, и 3, если он – неформальный самозанятый¹⁹. Набор объяснительных характеристик (X_i) включает: пол, возраст, образование, состояние в браке, тип поселения (город/село), вид деятельности, профессию и регион.

Мы получили оценки коэффициентов мультиномиальной логит-регрессии для трех лет (2000, 2004 и 2008 г.), которые соответствуют началу, середине и концу межкризисного (1999–2008 гг.) периода. Динамика оценок дает представление о том, как относительное влияние наблюдаемых характеристик могло меняться на протяжении последнего десятилетия. Поскольку трудно полностью исключить эндогенность ряда независимых переменных по отношению к состоянию неформальности, мы не интерпретируем полученные оценки в терминах причинности.

Коэффициенты β плохо поддаются прямой интерпретации, поэтому на их основе мы рассчитываем средние предельные эффекты для двух альтернативных состояний неформальности. Оценки предельных эффектов показывают, как в среднем (на сколько процентов) меняется вероятность того или иного исхода (искомого значения зависимой переменной)

¹⁸ См.: [Wooldridge J.M., 2002].

¹⁹ Под самозанятыми понимались занятые на индивидуальной основе, занятые в фермерских хозяйствах и предприниматели, не имеющие статуса юридического лица.

по сравнению с базовым исходом при изменении независимой переменной на единицу при условии, что все остальные независимые переменные зафиксированы на уровне средних по выборке²⁰. Такая процедура последовательно реализована для данных за 2000, 2004 и 2008 г. Полученные значения предельных эффектов представлены в табл. ПЗ.

Одни и те же индивидуальные характеристики могут по-разному влиять на риски samozанятости и неформальной занятости по найму, что еще раз подчеркивает различную природу последних.

Женщины в меньшей степени подвержены риску неформальности – соответствующие оценки статистически значимы во всех колонках нашей таблицы. Для занятых по найму предельные эффекты невелики и составляют $-0,5-0,7\%$, но для samozанятых величина эффекта уже превышает 2% .

Эффект возраста заметен лишь в отношении наемных работников, а на samozанятость он практически не влияет (рис. 1а, 1б).

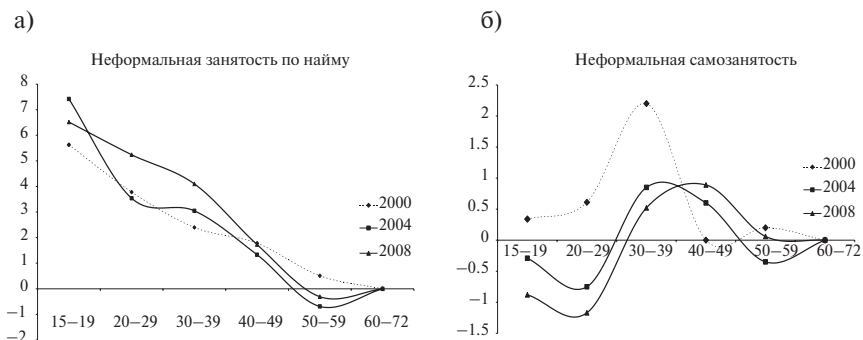

Рис. 1. Влияние возраста на занятость в неформальном секторе, предельные эффекты, %

Если риск занятости по найму сильно скошен в пользу молодых возрастов, то вовлеченность в samozанятость-микропредпринимательство оказывается зависимой от иных характеристик (об этом ниже). Хотя окончательный вывод на этот счет делать рано, можно предположить, что экспансия неформального найма происходила преимущественно за счет

²⁰ Для расчета средних предельных эффектов мы использовали программу “Margeff” в пакете STATA. См.: [Bartus, 2005].

работников младших возрастов. На рис. 1 показаны предельные эффекты влияния принадлежности к различным возрастным группам на вероятность неформальности (старшая группа принята за базу отсчета) в 2000, 2004 и 2008 г.

Линия, соответствующая значениям 2008 г., смещена вверх относительно кривых для предыдущих лет. Это дает основание предположить, что экспансия неформальности затрагивала все возрастные группы, но младшие реагировали первыми. Отсутствие сильной связи между самозанятостью и возрастом может объясняться неоднородностью такой деятельности, в результате чего её разные компоненты концентрируются в разных частях шкалы возраста. Например, вероятность неформальной предпринимательской активности относительно выше в возрасте 30–49 лет, а сельскохозяйственная самозанятость чаще проявляется в более старших возрастах. Такая разновременность различных видов самозанятости «сглаживает» эффект возраста.

Эффект образования также сильнее проявляется по отношению к неформалам, занятым по найму, и более «размазан» в отношении самозанятых (рис. 2а, 2б). В 2000 г. наличие лишь основного общего образования повышало риск неформальной занятости по найму (по сравнению с наличием высшего образования) на 1,3%, в 2004 г. этот эффект возрос до 3,3%, а в 2008 г. он уже составлял 6,2%. У обладателей начального образования подобный риск увеличивался еще быстрее, хотя сама эта образовательная группа со временем становится все малочисленнее. Та же тенденция, хотя и в менее выраженной форме, характерна и для обладателей любого образования ниже высшего. Постепенный подъем соответствующей кривой хорошо виден на рис. 2а.

В 2000 г. любое неvyšшее образование значимо понижало вероятность предпринимательской самозанятости. Отрицательный эффект достигал своего относительного максимума (в –1,9%) в группе обладателей начального профессионального. При этом существенных различий между группами с неvyšшим образованием, по-видимому, не наблюдалось. В 2004 и в 2008 г. разрыв между высшим и неvyšшим образованием в этом отношении практически испарился, а там, где он все же фиксировался, был небольшим по величине. Это означает, что самозанятость стала более однородной в образовательном отношении. Сокращение разрыва также могло быть следствием усиления внутренней неоднородности в этой группе, в результате чего разнонаправленные эффекты образования в разных подгруппах самозанятых взаимопогашали друг друга. На-

пример, индивидуальное предпринимательство положительно связано с более высоким уровнем образования, тогда как простая самозанятость (как способ выживания и превращенная форма безработицы) была более распространена в менее образованных группах.

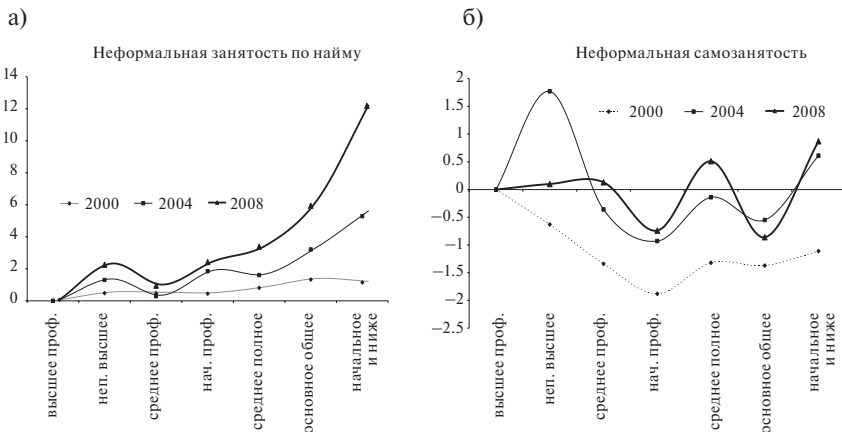

Рис. 2. Влияние образования на занятость в НФС, предельные эффекты, %

Дальнейшую пищу для размышления мы получаем, анализируя значения предельных эффектов для профессиональных групп. Неформально занятые по найму изначально концентрировались в группе ОКЗ-5 «Работники сферы обслуживания, ЖКХ и торговли», где эффект профессии составил 11%, хотя и в других профессиях физического труда вероятность такой неформальности была на 3–4% выше базового уровня, определяемого риском для группы руководителей (рис. 3а, 3б). Относительные риски для всех групп, как мы видим, со временем возрастают, и идет очевидная экспансия неформальности и внутри других укрупненных профессий.

Этот процесс затронул, прежде всего, профессии физического труда, но и группы нефизического труда ОКЗ 2–4 также оказались в него активно вовлечены. Можно говорить о том, что наступление неформальности идет по всему фронту профессиональной структуры, при этом относительный «отрыв» 5-й группы ОКЗ от других постепенно сокращается. В 2008 г. работники 5-й и 6-й групп ОКЗ, при прочих равных, неформально трудились по найму на 18% и 17% чаще, чем представители

базовой группы. В группах ОКЗ 7–9 (Рабочие высокой, средней и низкой квалификаций) такое превышение составляло 11–13%.

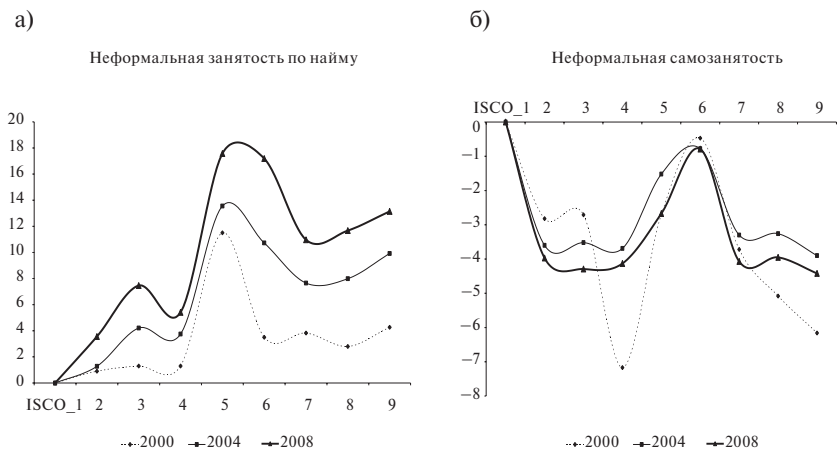

Рис. 3. Влияние профессии на занятость в НФС, предельные эффекты, %

Иначе выглядит ситуация с неформальной самозанятостью (табл. ПЗ). Она включает в себя индивидуальное предпринимательство (которое часто использует наемный труд), а потому в значительной степени ассоциируется с группой руководителей (ОКЗ-1), а также с околodomашним производством сельскохозяйственной продукции (которое относится к ОКЗ-6). Во всех остальных профессиях её вероятность значительно меньше и мы не имеем достаточных оснований говорить о какой-либо выраженной тенденции во времени.

Теперь обратимся к влиянию вида деятельности. В 2000 г. абсолютным лидером по привлечению наемных неформалов был сектор оптовой и розничной торговли (вид деятельности G по ОКВЭД). Его работники оказывались неформальными на 16% чаще, чем работники сельского хозяйства (A), принятого за базу сравнения. Значимо выше фона была вероятность неформальности у строителей (F), у работников гостиниц и ресторанов (H), в деятельности по операциям с недвижимостью (K) и в предоставлении коммунальных, социальных и персональных услуг (O). В этих видах деятельности превышение составляло 3–5%.

В 2000-е годы «расслоение» укрупненных видов деятельности на относительно более и менее формальные, по-видимому, усилилось. Это

проявилось в увеличении абсолютных значений предельных эффектов как с положительным, так и с отрицательным знаками. Так, к 2008 г. эффект торговли вырос до 20%, а строительства – до 14%. До 9% выросли эффекты секторов «гостиницы и рестораны» и «рыболовство и рыбоводство», до 4% – «обрабатывающей промышленности» и «транспорта и связи». Наоборот, в ряде видов деятельности вероятность попадания в неформальность заметно снизилась относительно базового уровня, что говорит об усилении концентрации неформальных работников в определенных видах деятельности и, соответственно, об усилении дифференциации между более формальными и менее формальными секторами экономики.

В сфере самозанятости ситуация выглядит менее определенной. В 2000 г. здесь очевидно доминировал фактор торговли, которая добавляла 10% к базовому уровню, определяемого сельским хозяйством. Риск самозанятости в сельском хозяйстве был соизмерим с тем, что наблюдался в деятельности по операциям с недвижимостью (К) и в деятельности по предоставлению коммунальных, социальных и персональных услуг (О). Во всех остальных видах деятельности неформальная самозанятость встречалась гораздо реже. К 2008 г. эти эффекты стали менее выраженными, хотя и оставались значимыми. Такого рода изменения могли отражать частичный переток самозанятых из строительства и торговли в неформальную занятость по найму в тех же секторах.

Подводя некоторые итоги, мы можем отметить, что профили обоих типов неформальных работников имеют вполне определенные черты, хотя и различаются между собой. Занятые по найму – это скорее молодые люди с невысоким уровнем образования, сосредоточенные в торговле, строительстве и бытовых услугах. Самозанятые практически мало отличаются возрастом и образованием от формальных работников, но также имеют выраженную профессионально-отраслевую специализацию, связанную преимущественно с сельским хозяйством и оказанием определенных услуг. Возможно, что «размытость» лица связана со значительной неоднородностью этой группы.

8. Региональный аспект

Сначала мы анализировали агрегированные данные по России в целом, затем перенесли акцент на то, как наблюдаемые характеристики

индивидов могут влиять на характер трудовой деятельности. Однако она также сильно варьирует по территории страны, а потому далее мы намерены обратить внимание на региональный уровень, контролируя при этом ненаблюдаемые специфические региональные эффекты. Общеизвестно, что российские регионы сильно неоднородны по многим параметрам и у нас нет никаких видимых оснований ожидать особой однородности в интересующем нас отношении. Вопросы, представляющие в связи с этим интерес, заключаются в том, какова вариация в степени деформализации по регионам России, как она меняется во времени и что является её движущими факторами?

Прежде чем мы начнем обсуждать факторы, влияющие на межрегиональную вариацию в развитии неформального сектора, полезно представить себе насколько регионы различаются между собой по выбранным показателям и какова их динамика. На рис. 4–6 с помощью графика плотности ядерной функции (kernel density) показаны распределения российских регионов по трем показателям (доля занятых в неформальном секторе среди всех занятых в регионе, доля неформально занятых по найму и доля самозанятых²¹) за 2000, 2004 и 2008 г. Выбор именно этих показателей и точек наблюдения определяется теми же соображениями, что и в предыдущем разделе.

Какую историю нам могут рассказать эти рисунки? Во-первых, они говорят о том, что регионы сильно различаются между собой по показателям вовлеченности населения в неформальный сектор. Во-вторых, со временем мы наблюдаем существенный сдвиг распределений вправо, свидетельствующий о повсеместном росте неформальности, который уже обсуждался выше с использованием макроданных и индивидуальных данных. В-третьих, рост неформальности связан не с расширением самозанятости, а преимущественно с экспансией наемного труда (рис. 5 и 6).

Но какие факторы являются движущими в этом процессе? Почему в одних регионах степень неформальности растет быстрее, чем в других? Мы полагаем, что факторы деформализации занятости, имеющие пространственное измерение, можно условно разделить на три основные группы. Во-первых, это особенности спроса на труд в регионе, включая уровень экономического развития, структуру экономики, а также уровень

²¹ Под самозанятыми понимались занятые на индивидуальной основе, занятые в фермерских хозяйствах и предприниматели, не имеющие статуса юридического лица, таким образом, были исключены занятые в домашнем хозяйстве производством сельскохозяйственной продукции.

безработицы. Во-вторых, это особенности предложения труда в регионах. Здесь прежде всего можно отметить возрастную структуру и степень урбанизированности населения, наличие человеческого капитала, проявляющееся в доле населения с высшим (третичным) образованием.

Таблица 1. Описательные характеристики российских регионов, 2000, 2004, 2008 г.

Зависимая переменная	Mean	SD	Median	Min	Max
2000					
% занятых в НФС	13,56	5,94	12,9	2,63	36,0
% занятых по найму	4,21	1,74	4,05	0,6	9,5
% самозанятых	4,28	2,87	3,55	1,1	22,8
2004					
% занятых в НФС	16,19	6,48	16,18	1,53	40,42
% занятых по найму	8,57	4,00	8,05	0,7	26,0
% самозанятых	4,26	2,63	3,7	0,8	16,2
2008					
% занятых в НФС	19,06	7,86	19,24	2,57	47,51
% занятых по найму	11,30	4,39	11,4	1,4	25,5
% самозанятых	4,58	3,24	3,6	0,6	19,3

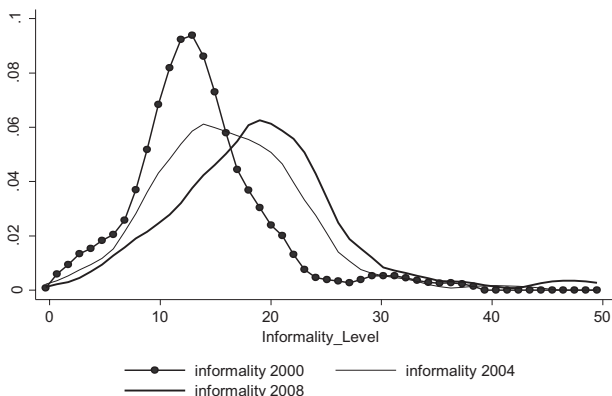

Рис. 4. Кернел-диаграмма распределения регионов по показателю «Доля занятых в неформальном секторе среди всех занятых в регионе», 2000, 2004 и 2008 г.

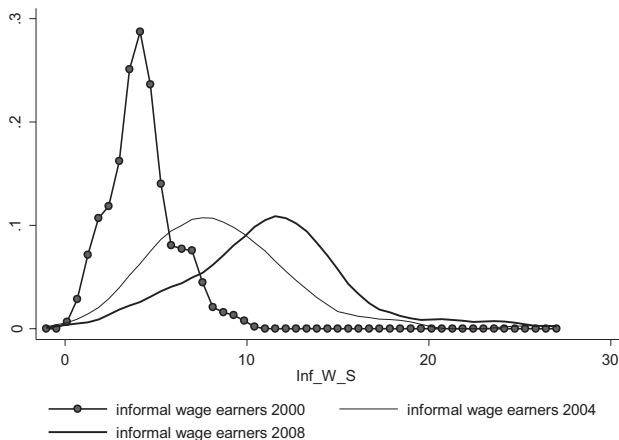

Рис. 5. Кернел-диаграмма распределения регионов по показателю «Доля занятых по найму в неформальном секторе среди всех занятых в регионе», 2000, 2004 и 2008 г.

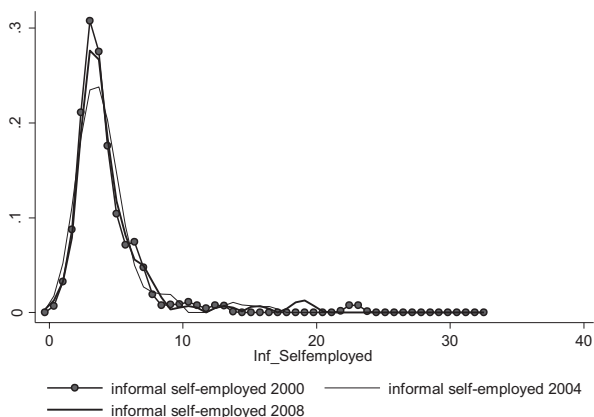

Рис. 6. Кернел-диаграмма распределения регионов по показателю «Доля неформально самозанятых среди всех занятых в регионе», 2000, 2004 и 2008 г.

И, наконец, в-третьих, это институты рынка труда, влияющие на создание рабочих мест в регионе и на соединение последних с работниками. Основные институты рынка труда (например, трудовое законодатель-

ство, величина МРОТ и пособия по безработице) имеют надрегиональный характер и устанавливаются централизованно для всех регионов страны. В этом смысле они не являются факторами межрегиональной вариации. Однако их практическое функционирование, как правило, всегда регионально и локально [Gimpelson, Kapeliushnikov, Lukyianova, 2010]. Более того, фактические модели функционирования регионально-специфических институтов, хотя и могут демонстрировать значительную системную устойчивость во времени, обычно очень индивидуальны и ненаблюдаемы с помощью стандартных статистических индикаторов.

Стандартным инструментарием анализа силы причинно-следственных связей в экономических исследованиях является регрессионный анализ. Зная долю неформалов в регионах (за разные годы), в принципе мы можем оценить уравнение, объясняющее вариацию этой зависимой переменной через вариацию независимых переменных, включающих факторы спроса на труд, предложения труда, настройку региональных институтов. Однако практическая реализация такой регрессии с помощью МНК связана с рядом возможных проблем, одной из которых является наличие ненаблюдаемой неоднородности. Каждый из регионов может иметь свои специфические и ненаблюдаемые особенности, влияющие на уровень деформализации. Это касается, прежде всего, системы правоприменения (полноты и избирательности действия всей совокупности механизмов инфорсменты), сильно влияющей на создание формальных рабочих мест и, соответственно, на вытеснение занятости в неформальную сферу. Их игнорирование в модели регрессии ведет к смещению оценок коэффициентов. Другой проблемой может быть эндогенность наших независимых переменных и, в частности, ненаблюдаемых индивидуальных эффектов.

Использование панельных данных позволяет решить первую проблему и по крайней мере ослабить вторую. Модель с фиксированными эффектами устраняет влияние ненаблюдаемых переменных и, если они потенциально эндогенны, снимает и эту проблему. Руководствуясь этими соображениями, мы оцениваем уравнение следующего вида²²:

$$Y_{it} = X_{it}\beta + \gamma Time + \alpha_i + \varepsilon_{it}.$$

²² Тест Хаусмана дает формальное подтверждение тому, что модель с фиксированными эффектами в данном случае предпочтительнее пула и модели со случайными эффектами.

Нашей зависимой переменной Y_{it} является доля занятых в неформальном секторе в регионе i в году t , где $t = \{2000-2009\}$. Мы последовательно используем три эконометрические спецификации, варьируя следующие зависимые переменные: доля занятых в неформальном секторе среди всех занятых в регионе (всего), доля неформально занятых по найму и доля самозанятых. Набор независимых переменных (X_{it}) включает показатели спроса на труд (лог душевого ВРП, лог средней заработной платы)²³, уровень общей безработицы в регионе, измеренный по методологии MOT), показатели предложения (возрастная структура населения и доля имеющих третичное образование). Кроме того, мы контролируем временной тренд (*Time*), чтобы отразить влияние времени. Слагаемое α_i представляет собой ненаблюдаемый специфический эффект, а ε_{it} обозначает нормально распределенный случайный остаток.

Для каждой из зависимых переменных мы оцениваем две спецификации: с лог душевого ВРП или с лог средней региональной ЗП. Каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Так, ВРП является наиболее интегральной мерой спроса на труд, однако он потенциально эндогенен, поскольку более деформализованные экономики отличаются более низкой производительностью. Здесь возможны как обратная зависимость, так и влияние некоторой третьей переменной. Этот потенциальный эффект неравномерно распределяется по регионам и является ненаблюдаемой специфической особенностью, частично устраняемой с помощью модели с фиксированными эффектами. Средняя зарплата (а данные по ней относятся только к занятым в формальном секторе) является менее представительной характеристикой спроса на труд, но в то же время она и слабее подвержена потенциальной эндогенности.

Как известно, при оценивании модели с фиксированными эффектами из значений каждой переменной за текущий момент времени вычитается среднее значение этой переменной за весь период ($y_{it} - \hat{y}_{it}$), в результате чего ненаблюдаемый индивидуальный эффект (который предполагается постоянным во времени) исчезает. В результате такой процедуры мы фактически оцениваем влияние изменений в значениях независимых переменных X_{it} на изменения значений Y_{it} .

Результаты оценивания представлены в табл. 2.

²³ Обе переменные дефлированы с помощью годовых региональных ИПЦ.

Таблица 2. Коэффициенты регрессии, модель с фиксированными эффектами, 2000–2009 гг.

	Все неформалы		Неформалы по найму		Самозанятые неформалы	
Лог ВРП на душу	2,813**		2,495**		-0,814	
Лог средней ЗП		0,916**		0,560		-0,263
Уровень безработицы, %	0,179**	0,153**	0,123*	0,095	0,123***	0,131***
% с третичным образованием	-0,178***	-0,168***	-0,093**	-0,086*	0,015	0,012
% моложе трудоспособного	-0,390	-0,369	-0,903***	-0,896***	0,311**	0,305**
% старше трудоспособного	-0,792	-0,801*	-1,018**	-1,042**	-0,130	-0,127
Временной тренд	0,657***	0,791***	0,448**	0,594***	0,388***	0,349***
Константа	8,0888	30,030	16,447	38,285	6,475	0,097

Примечание. *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.

Анализируя табл. 2, прежде всего обратим внимание на то, что показатель лог ВРП положительно связан с уровнем неформальной занятости в целом и по найму. Это означает, что экономический рост в регионах ведет не к сокращению (как можно было бы ожидать!), а к увеличению доли неформального сектора. Один дополнительный лог пункт ВРП увеличивает долю неформального сектора на 2,8 п.п. Хотя в практическом смысле эта эластичность невелика, оценка статистически значима на 5%-м уровне. Спецификация с лог средней зарплаты и с лог ВРП для занятых по найму дает схожие результаты. В спецификации для занятых по найму коэффициент при логарифме заработной платы также положителен, хотя статистически незначим. Другими словами, увеличение спроса на труд в регионе подхлестывает тенденции к деформализации, а не сдерживает их!

По-иному влияние обоих показателей спроса на труд проявляется в наших спецификациях для уровня самозанятости (две последние колонки табл. 2). Здесь искомые коэффициенты имеют отрицательный знак, но статистически незначимы. Это хорошо согласуется с общей дескриптивной картиной, представленной ранее, где показатели самозанятости демонстрируют вялую динамику во времени, отражая незна-

чительный вклад этой компоненты неформальности в адаптацию на рынке труда.

Еще одной характеристикой спроса на труд в регионе является уровень безработицы. Снижение последнего означает активизацию спроса и, соответственно, сокращение доли неформального сектора. Эту картину мы в общем-то и наблюдаем. Дополнительный процентный пункт безработицы увеличивает уровень неформальности на 0,12–0,18 п.п. Это также можно интерпретировать таким образом, что ухудшение ситуации на рынке труда одновременно идет по двум направлениям: как через увеличение безработицы, так и через ухудшение структуры занятости. И наоборот, снижение безработицы положительно сказывается и на структуре занятости с точки зрения удельного веса неформального сектора.

Увеличение доли лиц с высшим образованием снижает уровень неформальности при том, что в регионах с более образованным населением этот уровень изначально ниже. Это связано с тем, что занятые по найму в неформальном секторе имеют, как правило, невысокое образование, а связь образования с вероятностью самозанятости, как мы видели, вообще отсутствует. Эти зависимости мы также наблюдали и на индивидуальных данных. Данный вывод вполне соответствует конвенциональным представлениям о связи между этими явлениями.

Выводы о влиянии демографической структуры на активность населения в неформальном секторе на первый взгляд кажутся контринтуитивными. И омоложение (увеличение удельного веса лиц моложе трудоспособного возраста), и постарение населения (увеличение удельного веса лиц старше трудоспособного возраста) влияют негативно на зависимую переменную для неформального наемного труда. Однако следует иметь в виду, что большинство в неформальном секторе все же приходится на средний возраст.

Временной тренд во всех случаях оказывается положительным, отражая тем самым тенденцию к увеличению доли неформального сектора на протяжении всего обсуждаемого периода. При прочих равных, каждый год добавляет 0,66–0,79 п.п. в удельный вес неформального сектора. За 10 лет эта добавка составляет 6,6–7,9 п.п. в зависимости от спецификации, что в любом случае весьма чувствительно.

Основной вывод из этого краткого анализа, сфокусированного на региональном измерении неформального сектора, заключается в том, что тенденции деформализации идут по всей территории страны. Экономический рост в регионах не противодействует им, как это можно было бы

ожидать, а, наоборот, способствует! Спрос на труд, будучи производным от спроса на товары и услуги, реализуется в наиболее примитивных формах организации таких (неторгуемых) секторов как торговля, строительство, бытовые или личные услуги. Замещение местного производства торгуемых благ импортом (в том числе из других регионов страны) выталкивает людей из формального сектора, тогда как неформальный сектор становится для них естественным прибежищем. Поиск объяснений этому явлению еще раз обращает нас к качеству институтов, которое повсеместно остается низким и не способствует ни рождению новых предприятий, ни расширению действующих формальных – т.е. намного более дорогих и рискованных – организаций.

9. Заключение

Данное исследование приводит эмпирические свидетельства того, что на российской социальной сцене все более активную роль играет скромный «герой», которого ранее считали постоянным объектом дебатов о судьбах латиноамериканских экономик. Это простой труженик неформального сектора. Его участие в жизни страны становится всё более видимым и весомым. Он производит товары, строит дома, оказывает разнообразнейшие услуги. При этом он не знает, что такое Трудовой кодекс, не знаком с профсоюзами и коллективными договорами, его рабочий день отличается от нормативно провозглашенного, а используемая им технология зачастую примитивна. Но трудно даже себе представить, что станет с повседневным бытом честных налогоплательщиков из формального сектора, если этот герой вдруг исчезнет из нашей жизни!

Удельный вес неформального сектора на российском рынке труда значителен и на протяжении 2000-х годов продолжал увеличиваться, несмотря на бурный экономический рост, охвативший российскую экономику в эти годы. Точнее сказать, благодаря этому росту, поскольку эти два процесса шли параллельно. В итоге в зависимости от используемой методологии счета к этому сектору сегодня можно отнести каждого пятого или даже каждого третьего занятого.

Неформальный сектор крайне неоднороден. Занятые в нем по найму – это скорее молодые люди с невысоким уровнем образования, сосредоточенные в торговле, строительстве и бытовых услугах. Самозаня-

тые слабо отличаются по возрасту и образованию от формальных работников, однако имеют выраженную профессионально-отраслевую специализацию, связанную с сельским хозяйством и оказанием определенных услуг. Экспансия неформального сектора в значительной степени обеспечивается количественным ростом группы занятых по найму, представляющих собой наиболее уязвимую категорию занятых в неформальном секторе.

Тенденции деформализации характерны практически для всех регионов страны, её уровень сильно различается. Спрос на труд в регионах, порождаемый экономическим ростом, слабо транслируется в рабочие места в корпоративном секторе, а реализуется преимущественно в наиболее примитивных, но широко распространенных формах организации деятельности неторгуемых секторов. Такие виды деятельности как торговля, строительство, бытовые и личные услуги составляют основу неформального сектора в России и одновременно дают значительный вклад в рост совокупной занятости. С одной стороны, они (торговля, строительство, услуги) относительно менее чувствительны к качеству институциональной среды. С другой, рост доходов населения и укрепление рубля стимулируют спрос на товары и услуги, поощряя расширение этих же видов деятельности.

Что же движет нашим «героем»? Почему он предпочитает место в «тени» месту «на свету»? Поиск аргументированных ответов на эти вопросы должен стать предметом специальных исследований. Отчасти это место вынужденное и многие сюда приходят не от хорошей жизни, а в поисках хоть какого-нибудь дохода. Рост неформальности является, по-видимому, обратной стороной постепенного сокращения формального сектора, крайне чувствительного к низкому качеству институциональной среды. Наш социальный «герой» живет во многом вне государственного регулирования, а потому отмеченные тенденции вряд ли повернут вспять, пока эта среда радикально не изменится.

Библиография

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 2. С. 172–217.

Гимпельсон В.Е. Нужны ли отечественной промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 4.

Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения // Нестандартная занятость в российской экономике / под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. Гл. 6.

Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И., Гимпельсон В.Е. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный?: препринт WP3/2010/09. Серия «Проблемы рынка труда». М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Методологическое руководство для пользователей базы микроданных обследований населения по проблемам занятости. М.: Росстат, 2002.

Нестандартная занятость в российской экономике / под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Современные международные рекомендации по статистике труда. М.: Статинформ, 1994.

Труд и занятость в России, 2009.

Bartus T. Estimation of marginal effects using `margeff` // The Stata Journal. 2005. Vol. 5. No. 3. P. 309–329.

Bernabe S. Measuring Informal Employment in Transition Countries. Note prepared for the WIEGO meeting on “Measuring Informal Employment in Developed Countries” 31 October – 1 November 2008, Harvard University. URL: <http://www.wiego.org/reports/statistics/nov-2008/Bernabe.pdf>.

Cox R., Watt P. Globalization, polarization and the informal sector: the case of paid domestic workers in London // Area. 2002. No. 34 (1). P. 39–47.

Edgcomb E.L., Thetford T. The informal economy: making it in rural America. FIELD (Microenterprise Fund for Innovation, Effectiveness, Learning and Dissemination). The Aspen Institute. 2004. URL: www.fieldus.org.

Earle J.S., Sabirianova Peter K. Complementarity and Custom in Wage Contract Violation' // Review of Economics and Statistic. 2009. No. 91 (4). P. 832–849.

Earle J.S., Sakova Z. Business start-ups or disguised unemployment? Evidence on the character of self-employment from transition economies // *Labour Economics*. 2000. Vol. 7. P. 575–601.

Employment, Incomes and Equality. Geneva: International Labor Office, 1972.

Fields G.S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence // *The Informal Sector Revisited* / D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.). Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990.

Gasparini L., Tornarolli L. Labor Informality in Latin America and the Caribbean: Patterns and Trends from Household Survey Microdata. World Bank, Washington, DC, 2006.

Gerxhani K. The Informal Sector in Developed and Less Developed Countries: A Literature Survey // *Public Choice*. 2004. Vol. 120. No. 3/4 (September). P. 267–300.

Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two Sector analysis // *American Economic Review*. March 1970. P. 126–142.

Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // *The Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11. No. 1. P. 61–89.

Husmanns R. Defining and measuring informal employment. International Labour Office working paper: Geneva, 2004.

Kanbur R. Conceptualising Informality: Regulation and Enforcement. IZA Discussion Paper No. 4186. May 2009.

Lehmann H., Pignatti N. Informal Employment Relationships and Labor Market Segmentation in Transition Economies: Evidence from Ukraine. ESCIRRU Working Paper No. 03. January 2008.

Maloney W.F. Informality Revisited // *World Development*. 2004. Vol. 32. No. 7. P. 1159–1178.

Measuring the Non-Observed Economy. A Handbook. OECD, 2002.

Merrick T. Employment and earnings in the informal sector in Brazil: the case of Belo Horizonte // *Journal of Developing Areas*. 1976. No. 10. Vol. 3. P. 337–354.

OECD Employment Outlook. OECD, 2008.

Perry et al. Informality: exit and exclusion. The World Bank // *Latin America and the Caribbean studies report*, 2007.

Portes A. The Informal Economy and Its Paradoxes // The Handbook of Economic sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 426–446.

Portes A., Sassen-Koob S. Making it Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western MarketEconomies // The American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93. No. 1. P. 30–61.

Saavedra J., Chong A. Structural reform, institutions and earnings: Evidence from the formal and informal sectors in urban Peru // Journal of Development Studies. 1999. 35 (4). P. 95–116.

Wooldridge J.M. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. London, England, 2002.

Приложение²⁴

Динамика занятости в российской экономике, 1991–2010, млн чел.

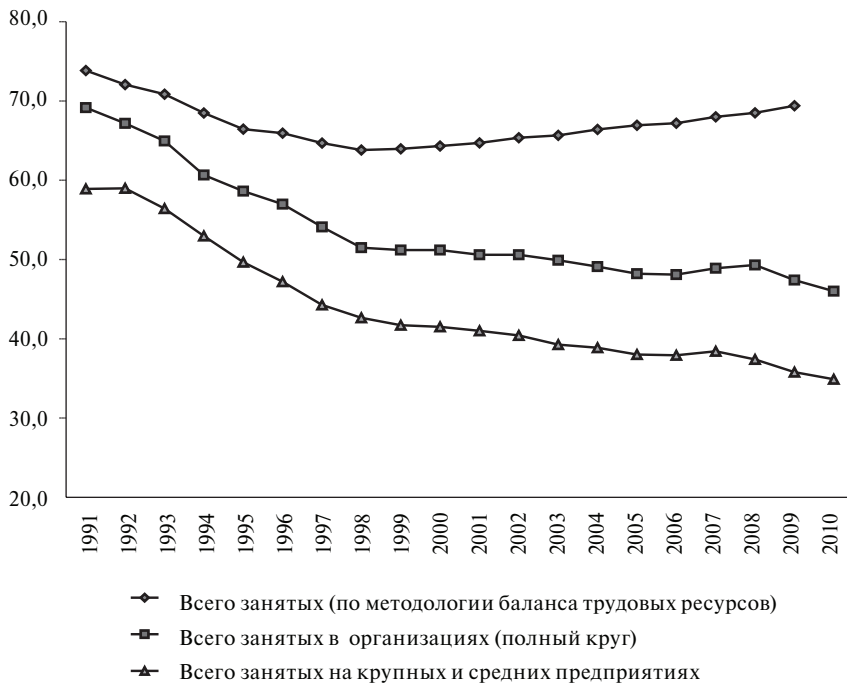

Рис. П1. Численность занятых вне корпоративного сектора российской экономики

²⁴ Рис. П1–П11 построены на основе расчетов авторов по данным Росстата.

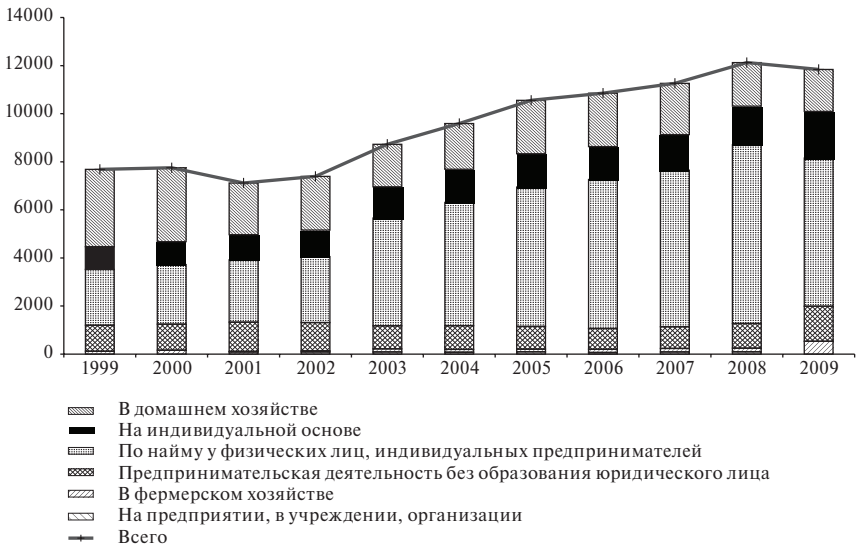

Рис. П2. Динамика и структура занятости в неформальном секторе на основной работе по видам деятельности (1999–2009), тыс. человек

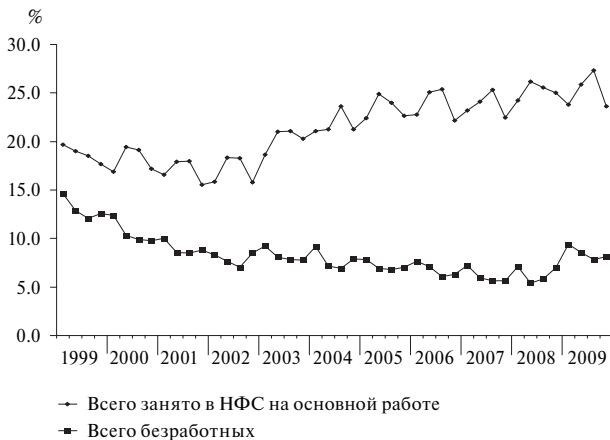

Рис. П3. Занятость в неформальном секторе и безработица (1999–2009), % экономически активного населения (квартальные данные)

Рис. П4. Динамика структуры занятости в неформальном секторе на основной работе по составляющим (1999–2009), %

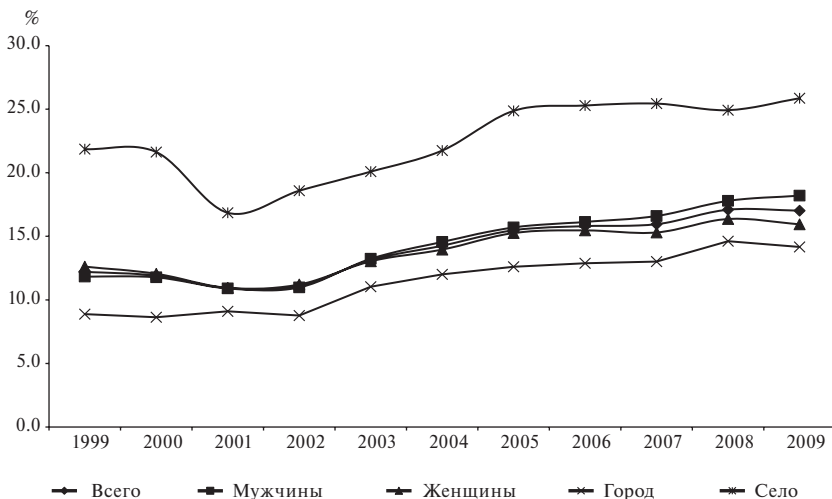

Рис. П5. Динамика уровня занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), % от всех занятых в экономике

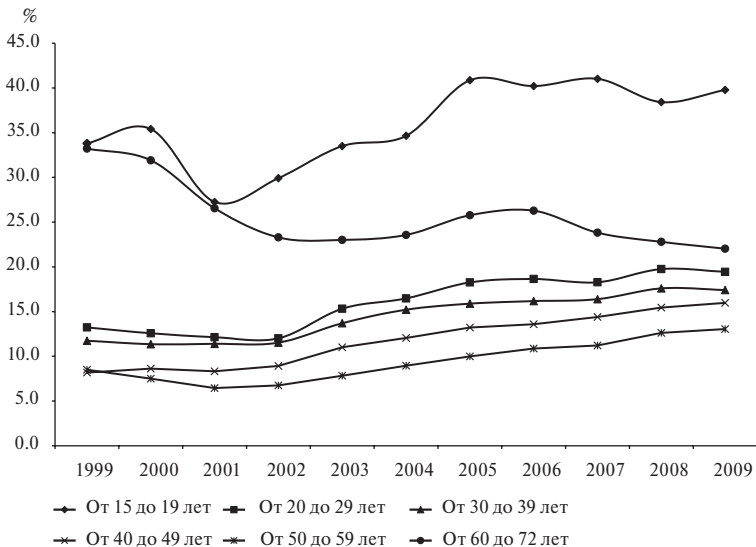

Рис. 16. Динамика уровня занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), % от всех занятых в экономике по возрастным группам

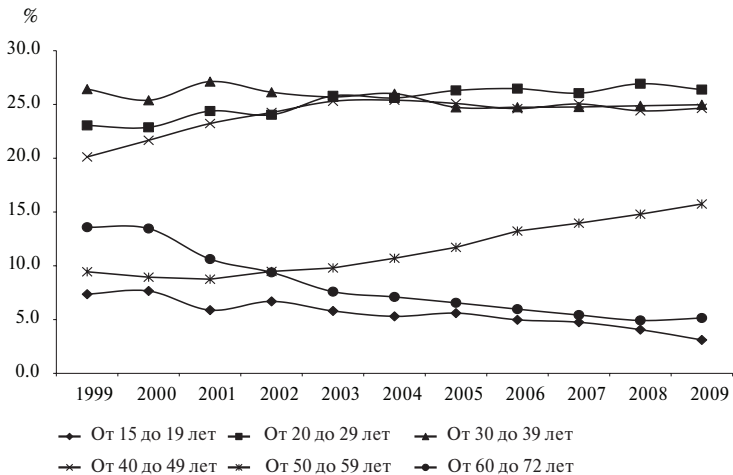

Рис. 17. Динамика структуры занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), %, по возрастным группам

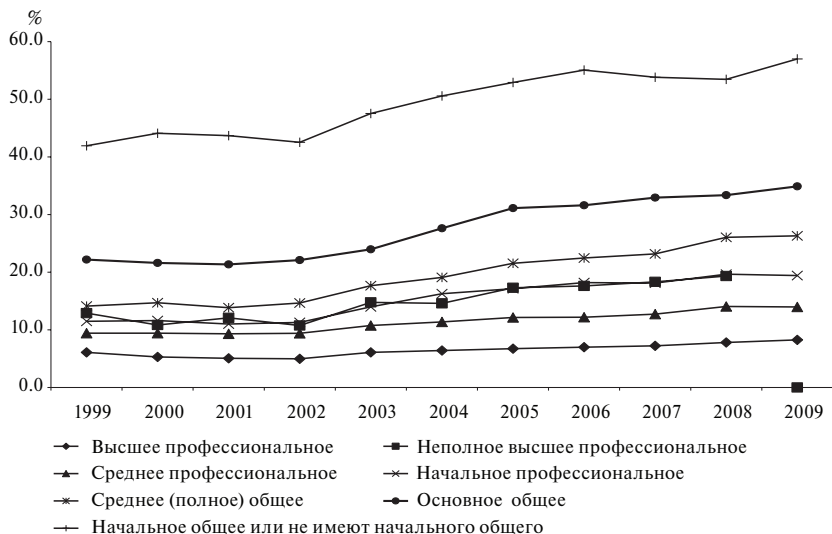

Рис. П8. Динамика уровней занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), % от всех занятых в экономике по уровню образования

Рис. П9. Динамика структуры занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), по уровню образования

Рис. П10. Динамика уровней занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), % от всех занятых в экономике по профессиям

Рис. П11. Динамика структуры занятости в неформальном секторе на основной работе (1999–2009), %, по профессиям

Таблица 3П. Работа по найму у физических лиц и самозанятость: сравнительный анализ уровней занятости по возрасту, уровню образования и профессии (1999–2009), % от всех занятых в экономике

	1999, %	2000, %	2001, %	2002, %	2003, %	2004, %	2005, %	2006, %	2007, %	2008, %	2009, %
Работа по найму у физических лиц (всего)	3,7	2,2	4,0	4,1	6,7	7,6	8,5	9,0	9,2	10,5	8,9
Возрастные группы											
От 15 до 19 лет	6,8	1,3	8,5	9,0	15,0	15,4	18,7	17,6	19,1	21,2	16,3
От 20 до 29 лет	6,2	4,2	6,4	6,5	10,1	11,5	13,1	13,7	13,3	14,9	13,0
От 30 до 39 лет	4,0	3,3	4,5	4,6	7,2	8,8	9,4	10,0	10,2	11,4	9,7
От 40 до 49 лет	2,7	2,5	3,0	3,1	5,5	6,0	6,7	7,3	7,8	8,8	7,6
От 50 до 59 лет	1,6	1,0	1,8	2,0	3,5	3,8	4,6	5,1	5,3	6,5	5,5
От 60 до 72 лет	1,1	0,2	1,2	1,3	3,4	3,3	3,4	3,8	4,6	5,0	3,7
Уровень образования											
Высшее профессиональное	1,7	1,1	1,4	1,4	2,6	2,8	3,2	3,7	3,6	4,2	3,5
Неполное высшее профессиональное	5,4	1,9	4,7	4,8	8,5	8,2	9,8	11,2	11,0	13,2	–
Среднее профессиональное	3,7	2,8	3,8	3,8	6,0	6,4	6,9	7,4	7,7	8,8	7,6
Начальное профессиональное	5,2	3,6	5,4	5,7	8,9	10,7	11,8	12,4	12,7	13,8	12,0
Среднее (полное) общее	4,7	2,8	5,5	5,7	9,2	10,4	11,7	12,6	13,3	15,8	13,7
Основное общее	4,2	1,8	5,8	6,2	9,8	11,7	13,6	13,7	14,9	17,5	14,9
Начальное общее или не имеют начального общего	2,3	0,5	3,7	4,5	8,2	6,7	9,7	9,5	13,0	18,4	18,4
Послевузовское	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,7
Профессия											
Руководители	0,0	0,0	0,0	0,0	2,5	2,5	2,8	3,3	2,9	3,4	2,5

Продолжение табл. III

	1999, %	2000, %	2001, %	2002, %	2003, %	2004, %	2005, %	2006, %	2007, %	2008, %	2009, %
Специалисты высшего уровня квалификации	0,7	0,8	0,5	0,6	1,4	1,4	1,8	2,1	2,3	2,6	1,9
Специалисты среднего уровня квалификации	1,2	1,1	1,3	1,2	2,5	3,1	3,2	3,9	4,2	4,7	3,6
Служащие, занятые подготовкой информации	1,8	1,4	1,6	1,4	2,7	3,1	3,7	4,6	4,4	5,5	4,1
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли	14,2	13,8	13,8	14,0	19,7	22,2	23,7	24,2	24,2	26,0	22,3
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	0,4	0,9	1,2	1,3	2,9	3,2	2,7	2,7	3,4	5,1	4,2
Квалифицированные рабочие	3,8	4,4	4,0	4,6	7,8	8,3	9,4	10,4	10,9	13,5	11,1
Операторы, аппаратчики, машинисты	3,0	3,0	3,2	3,3	6,2	7,8	8,8	9,4	9,5	11,2	10,6
Неквалифицированные рабочие	4,8	4,9	5,7	5,8	8,8	10,0	12,2	12,6	13,5	15,0	13,3
Самозанятость (всего)	3,4	2,0	3,5	3,5	3,6	3,7	3,6	3,4	3,6	3,9	5,7
Возрастные группы											
От 15 до 19 лет	2,1	0,3	2,9	3,9	2,9	2,3	2,3	3,2	2,9	2,8	6,3
От 20 до 29 лет	3,8	2,4	3,6	3,3	3,3	3,1	2,9	2,6	2,8	3,1	4,7
От 30 до 39 лет	4,8	3,7	4,8	4,7	4,8	4,8	4,5	4,2	4,4	4,6	6,2
От 40 до 49 лет	3,1	2,7	3,5	3,6	3,9	4,1	4,3	4,0	4,3	4,7	6,6
От 50 до 59 лет	1,9	1,3	2,0	2,1	2,3	2,7	2,6	2,9	2,9	3,4	5,1
От 60 до 72 лет	1,1	0,2	1,4	1,6	2,0	1,9	2,0	2,5	2,0	2,9	4,8
Уровень образования											
Высшее профессиональное	3,6	2,5	2,9	2,9	2,9	3,0	2,8	2,6	2,9	2,9	4,2

	1999, %	2000, %	2001, %	2002, %	2003, %	2004, %	2005, %	2006, %	2007, %	2008, %	2009, %
Неполное высшее профессиональное	5,2	2,1	4,4	3,7	4,7	4,0	5,0	4,6	5,1	4,5	—
Среднее профессиональное	3,5	2,6	3,8	3,7	3,4	3,5	3,4	3,1	3,5	3,8	5,0
Начальное профессиональное	2,9	1,9	3,3	3,1	3,4	3,6	3,2	3,4	3,2	3,8	5,6
Среднее (полное) общее	3,6	2,2	3,9	4,1	4,6	4,6	4,7	4,5	4,6	5,6	8,0
Основное общее	2,8	1,0	2,7	3,3	3,6	3,6	3,7	3,8	3,8	3,6	8,0
Начальное общее или не имеют начального общего	2,0	0,4	3,9	3,0	4,4	3,8	3,5	4,6	5,2	5,1	11,2
Послевузовское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,6
Профессия											
Руководители	6,5	6,4	6,2	6,7	8,4	9,6	9,4	9,5	9,9	10,0	15,9
Специалисты высшего уровня квалификации	1,4	1,1	0,9	0,9	0,9	0,8	0,7	0,8	0,8	0,9	1,4
Специалисты среднего уровня квалификации	1,8	1,8	1,9	1,4	1,2	1,3	1,0	1,0	1,4	1,1	2,1
Служащие, занятые подготовкой информации	0,3	0,3	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,6	1,3
Работники торговли, сферы обслуживания, ЖКХ	14,4	13,3	14,0	13,4	11,2	10,5	10,0	8,7	8,5	9,5	11,0
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	1,7	2,0	2,1	3,7	4,2	4,0	3,6	4,8	4,6	7,2	10,7
Квалифицированные рабочие	1,4	1,6	1,8	1,7	2,6	2,4	2,6	2,9	2,7	3,1	4,6
Операторы, аппаратчики, машинисты	2,8	2,7	2,7	3,0	3,0	3,8	3,4	3,4	3,9	4,5	6,6
Неквалифицированные рабочие	2,1	2,2	2,1	1,6	1,6	1,7	1,9	1,8	2,2	2,3	4,0

Таблица П2. Основные характеристики занятых в формальном и неформальном секторах, ОНПЗ, 2000, 2004 и 2008 г.

	Занятые в формальном секторе	Занятые в неформальном секторе		
		По найму	Самозанятые (без ДХ)	Занятые производством в ДХ
2000				
Доля мужчин, %	51,6	50,9	61,7	43,7
Средний возраст, лет (со)	39,2 (11,1)	33,6 (10,4)	36,9 (9,7)	44,6 (18,6)
Доля городского населения, %	77,7	82,9	77,1	12,7
Доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	26,4	11,2	23,1	5,3
Ср. продолжительность факт. рабочей недели, час (со.)	38,4 (10,0)	40,9 (14,3)	42,4 (15,5)	27,0 (17,5)
Наличие семьи (супруга(и)), %	70,2	55,8	72,4	63,9
2004				
Доля мужчин, %	50,6	50,4	59,2	45,7
Средний возраст, лет (со)	39,8 (11,4)	34,8 (10,9)	38,9 (10,1)	44,0 (17,5)
Доля городского населения, %	78,9	77,9	74,2	16,4
Доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	27,7	10,8	21,3	5,4
Ср. продолжительность факт. рабочей недели, час (со.)	38,6 (8,5)	40,6 (11,6)	40,9 (13,7)	22,9 (14,5)
Наличие семьи (супруга(и)), %	68,9	57,2	72,9	62,7
2008				
Доля мужчин, %	50,5	52,5	60,0	43,8
Средний возраст, лет (со)	40,0 (11,8)	35,6 (11,5)	39,8 (10,5)	44,3 (17,0)
Доля городского населения, %	78,3	73,8	70,5	20,3
Доля занятых с высшим (полным и неполным) образованием, %	31,7	13,0	22,0	5,8
Ср. продолжительность факт. рабочей недели, час (со.)	38,6 (8,6)	40,0 (11,3)	40,7 (12,8)	20,9 (13,0)
Наличие семьи (супруга(и)), %	70,1	59,6	74,4	64,6

Таблица П3. Оценки мультиномиальных логит-регрессионных моделей, предельные эффекты (п.п.)

	2000				2004				2008			
	Занятые по найму у физ. лиц		Самозанятые		Занятые по найму у физ. лиц		Самозанятые		Занятые по найму у физ. лиц		Самозанятые	
	β	SE	β	SE	β	SE	β	SE	β	SE	β	SE
<i>Пол (1 – женщины)</i>	-.64***	.16	-2,60***	0,15	-.70***	0,21	-2,03***	0,18	-.49**	0,24	-2,14***	0,18
<i>Возраст</i>												
От 15 до 19 лет	5.63***	1.16	0,34	0,44	7,42***	1,25	-0,29	0,66	6,52***	1,23	-0,88	0,63
От 20 до 29 лет	3.78***	.77	0,61	0,50	3,54***	0,82	-.75*	0,43	5,24***	0,83	-1,17***	0,37
От 30 до 39 лет	2.40***	.55	2,20***	0,58	3,05***	0,80	0,85	0,55	4,10***	0,80	0,52	0,47
От 40 до 49 лет	1.78***	.43	1,17**	0,45	1,33*	0,71	0,60	0,52	1,73**	0,73	,89*	0,48
От 50 до 59 лет	.51*	.29	0,20	0,31	-0,69	0,63	-0,35	0,46	-0,31	0,67	0,06	0,44
От 60 до 72 лет												
<i>Семейное положение (1 – состоит в браке)</i>	.22***	.04	-.10***	0,04	-1,72***	0,18	,35**	0,16	-2,07***	0,21	,49***	0,17
<i>Образование</i>												
<i>Высшее профессиональное</i>												
<i>Неполное высшее</i>	.48*	.25	-.63*	0,35	1,30	0,79	1,17*	0,62	2,26**	0,98	0,10	0,63
<i>Среднее профессиональное</i>	.47**	.22	-1,34***	0,21	0,29	0,39	-0,36	0,22	,95**	0,44	0,13	0,24
<i>Начальное профессиональное</i>	.45*	.23	-1,88***	0,25	1,85***	0,45	-.93***	0,23	2,42***	0,48	-.74***	0,24
<i>Среднее (полное) общее</i>	.81***	.26	-1,32***	0,24	1,61***	0,43	-0,14	0,24	3,39***	0,49	,51*	0,27

	2000						2004						2008					
	Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые		
	β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE	
<i>Основное общее</i>	1,33***	.28		-1,37***	0,27		3,30***	0,58		-,55*	0,30		6,23***	0,72		-,86**	0,34	
<i>Начальное общее или ниже</i>	1,15***	.38		-1,11**	0,51		5,57***	1,48		0,61	0,90		12,18***	1,84		0,87	1,05	
<i>Тип поселения (1 – село)</i>	-0,85***	.17		-,45***	0,17		0,08	0,21		0,18	0,17		,83***	0,23		-0,20	0,16	
Вид деятельности																		
<i>А. Сельское хозяйство</i>	база			база			база			база			база			база		
<i>В. Рыболовство и рыбоводство</i>	.67	.75		-2,28**	1,07		1,32	1,60		-1,61**	0,71		8,92***	2,16		-3,77***	0,38	
<i>С. Горнодобывающая</i>	-1,45***	.16		-7,17***	1,44		-4,88***	0,66		-3,87***	0,09		-8,46*	5,08		-4,39	66,24	
<i>Д. Обрабатывающая</i>	.54**	.25		-2,31***	0,25		3,45***	0,56		-1,61***	0,24		4,29***	0,61		-2,00***	0,23	
<i>Е. Электроэнергия, газ и водоснабжение</i>	-1,61***	.09		-9,91***	1,89		-4,97***	0,53		-3,88***	0,08		-8,72***	0,43		-4,13***	0,11	
<i>Ф. Строительство</i>	5,04***	.72		-2,59***	0,48		13,54***	0,90		-7,70**	0,34		14,37***	0,84		-99***	0,30	
<i>Г. Оптовая и розничная торговля</i>	15,83***	1,27		10,35***	0,75		19,82***	1,03		5,98***	0,61		19,65***	0,92		4,38***	0,52	
<i>Н. Гостиницы и рестораны</i>	3,94***	.87		-2,52***	0,76		9,45***	1,04		-1,73***	0,40		9,07***	1,02		-2,64***	0,32	
<i>И. Транспорт и связь</i>	.33	.27		0,15	0,35		2,40***	0,60		1,30***	0,41		3,94***	0,66		1,18***	0,41	
<i>Л. Финансовое посредничество</i>	-62	.54		-5,90***	1,73		-3,57***	1,30		-2,82***	0,53		-4,20***	1,20		-3,96***	0,25	

	2000						2004						2008					
	Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые		
	β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE	
<i>К. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом</i>	3.70***	.85		0.40	0.52		0.85	0.68		-1.53***	0.33		1.72**	0.74		-1.56***	0.32	
<i>Л. Государственное управление и оборона</i>	-1.57***	.07		-8.48***	0.92		-8.03	87.10		-4.18	96.83		-11.35	118.81		-4.64	112.66	
<i>М. Образование</i>	-1.12***	.09		-6.53***	0.83		-6.19***	0.30		-3.40***	0.15		-9.36***	0.26		-3.88***	0.13	
<i>Н. Здравоохранение и социальные услуги</i>	-1.02***	.13		-5.67***	0.77		-5.20***	0.40		-3.08***	0.21		-8.10***	0.37		-3.50***	0.18	
<i>О. Деятельность по предоставлению коммунальных, социальных и персональных услуг</i>	3.05***	.50		.66*	0.37		4.89***	0.89		1.31**	0.57		6.14***	0.89		2.03***	0.56	
Профессия																		
<i>Руководители</i>	база			база			база			база			база			база		
<i>Специалисты высшего уровня</i>	.90***	.23		-2.82***	0.23		1.28*	0.75		-3.60***	0.09		3.56***	0.88		-3.97***	0.10	
<i>Специалисты среднего уровня</i>	1.30***	.32		-2.71***	0.25		4.21***	0.82		-3.52***	0.10		7.46***	0.95		-4.29***	0.08	
<i>Служащие, занятые подготовкой информации</i>	1.30***	.43		-7.17***	1.04		3.75***	1.13		-3.69***	0.10		5.41***	1.26		-4.13***	0.09	
<i>Работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли</i>	11.47***	2.32		-2.69***	1.05		13.55***	1.13		-1.52***	0.21		17.57***	1.14		-2.67***	0.17	

	2000						2004						2008					
	Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые			Занятые по найму у физ. лиц			Самозанятые		
	β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE		β	SE	
<i>Квалифицированные рабочие сельского хозяйства</i>	3,51***	.98		-0,47	0,72		10,73***	1,44		-0,78**	0,35		17,19***	1,58		-0,79**	0,35	
<i>Квалифицированные рабочие</i>	3,83***	.89		-3,72***	0,27		7,65***	0,86		-3,30***	0,12		10,97***	0,95		-4,07***	0,11	
<i>Операторы, аппаратчики, машинисты</i>	2,76***	.65		-5,08***	0,35		7,99***	0,89		-3,26***	0,10		11,67***	0,99		-3,95***	0,11	
<i>Неквалифицированные рабочие</i>	4,27***	.92		-6,16***	0,31		9,92***	0,95		-3,90***	0,12		13,14***	1,02		-4,42***	0,09	
Регионы	контро-лируются			контро-лируются			контро-лируются			контро-лируются			контро-лируются			контро-лируются		
Number of obs	78438			78438			78381			78381			81815			81815		
Prob > chi2	0			0			0			0			0			0		
Pseudo R2	0,2971			0,2971			0,2976			0,2976			0,2737			0,2737		
Log likelihood	-23689,67			-23689,67			-23607,70			-23607,70			-30069,79			-30069,79		

Примечание. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Зависимая переменная – статус работников, базовая категория – занятость в формальном секторе. Некоторые виды занятости были исключены из анализа алгоритмом в 2008 г. из-за отсутствия вариации значений зависимой переменной – занятые в государственном управлении и обороне, социальном страховании, в деятельности экстерриториальных организаций и организаций, в то время как занятые деятельностью по ведению домашних хозяйств с наемным обслуживанием принадлежали только к неформальному сектору.

Gimpelson, V. Informal Workers in the Russian Economy: Who Are They and How Many? : Working paper WP3/2011/06 [Text] / V. Gimpelson, A. Zudina ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 60 p. – 150 copies.

The paper discusses evolution of the informal employment in the Russian labour market over the last decade. It uses all consecutive waves of the Labour Force Survey conducted by the Russian Federal State Statistics Service in 1999–2009. Looking inside the informality and tracing its evolution over time, we pay a special attention to heterogeneity of the informal employment and distinguish salaried informal workers and informal self-employed as two major informal groups. A simple descriptive analysis is complemented by estimates of the marginal effects from multinomial logit regressions where two informality states are contrasted to the formal wage workers' status. Additionally, we use cross-section estimates of informality for all Russian regions for 1999–2009 and build a new hand-made panel database with regions as observations. Searching for drivers of informality, we estimate FE panel regressions, using major regional economic and structural characteristics as controls.

Препринт WP3/2011/06
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Гимпельсон Владимир Ефимович, Зудина Анна Алексеевна

**«Неформалы» в российской
экономике: сколько их и кто они?**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор О.С. Большова
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,6
Усл. печ. л. 3,49. Заказ № . Изд. № 1356

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15